

КУРМАНБЕК

героическая поэма

перевод с киргизского
А. ТАРКОВСКОГО

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРУНЗЕ — 1961

Героическая поэма „Курманбек“—одна из наиболее популярных и распространенных в народе. Сюжет ее развивается на фоне борьбы киргизов в далеком прошлом против нашествия иноземных поработителей.

Горячая любовь к родному краю и беззаветная преданность своему народу, мужество, стойкость, целеустремленность, незнание страха в битве с врагом, ненависть к алчным людям—вот лучшие качества Курманбека, воспитанные в нем народом.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Сын киргизского хана Тейитбека, молодой Курманбек, решает во главе своих сорока джигитов идти войной против калмыцких поработителей.

Обращаясь к своим воинам, Курманбек говорит:

— С материнским теплым крылом,
С материнским светлым жильем
Разлучаюсь в расцвете сил.
В пору зрелости я вступил.
Свойство мужа — воинский пыл,
Храбрый ищет встречи с врагом.
Но врагов киргизских земель
Перечислить я не могу.
Защитим, джигиты, свой эль,*
Не дадим пощады врагу,
Знамя ратное развернем!

Я с недолгим и чутким сном
Расстаюсь во мраке ночном,
Дрема прочь от ложа бежит:
Тяжело мне бремя обид,
Причиненных элю врагом.

Сорок верных друзей моих,
Да послужит удача нам!
Горяча коней вороных,
Мчитесь в бой, как вихрь по горам!
Зорче, соколы вы мои,
Озирайтесь по сторонам,
Встаньте, соколы вы мои,
Твердокаменною стеной
Перед вражескою броней!

---

* Эль — народ.

Ваши кони среди коней —
Что батыры среди детей.
Сорок дней пройдут под седлом,
Не устанут за сорок дней.

Пусть застонет земля кругом,
Пусть калмыки идут, кичась,
Пусть окрасится кровью пол,
Пусть земля превратится в грязь,
А вода в кровяной рассол!

Да смутится калмыцкий полк,
Встретив сорок моих друзей!
Да завоет калмыцкий волк,
Встретив сорок лихих коней!
Я хочу, чтобы он умолк,
Встретив сорок литых мечей!

Чтоб калмыков повергнуть в страх,
Я щиты вам дал и броню;
Чтоб калмыков развеять в прах,
Дал я каждому по коню.
Кони статны и горячи,
А на бедрах у вас мечи.
Если вас, джигиты, сравню
С ястребами, бьющими влёт,
Вашу ловкость я уроню,
Сорок доблестных, мой оплот,
Сорок равных в лихом бою,
Сорок славных в родном краю.
Да не знает горя народ,
Породивший вас, храбрецов!
Пусть горячей крови хлебнет
Золотая земля отцов!
Пусть ничто врагов не спасет,
Превращайте их в мертвецов!
Будем биться в кругу врагов,
Будь хоть сорок таких кругов.

С ловчей птицей зверя травить —
Общий путь и общая цель.
Ни к чему нам душой кривить,
Защищая со славой эль.

Ни к чему нам, славу губя,
Предавать позору себя,
Составляя единый стан,
Умирая от жгучих ран.
Будьте все друг другу равны
На кровавом поле войны,
И тогда — я клятву даю —
Не минует счастье в бою
Сорока удалых голов:
Ваше мужество — ваш покров.
Ни властитель, ни чародей,
Ни презренный трус, ни джигит,
Ни один из живых людей
Смертной доли не избежит.
Не жалейте жизни своей,
Кровь даря отчизне своей,
Но, покуда я жив и цел,
Не страшитесь вражеских стрел.
Стойте твердо, как холм стоит,
Меч — в ладони, у локтя — щит,
И глядите вперед светло:
Время вашей славы пришло.

Рассчитайте каждый удар,
Веселитесь, врагов рубя,
Разжигайте сами себя
И пылайте, словно пожар,
Закаляйте свой львиный дух,
Нашу тайну свято храня,
Напрягайте орлиный слух,
Почитая главой меня.
Вы скрестите руки, друзья,
И покорно внемлите мне.

Плод моей науки, друзья,
Пригодится вам на войне.
Изучайте пути врагов.
Повинуясь без лишних слов,
Исполняйте волю мою,
Прославляйте долю свою.

Услыхав, что хищный калмык
В край киргизский опять проник,
Захотелось мне умереть.

Услыхав, что головы с плеч
Детям рубит калмыцкий меч,
Захотелось мне умереть.
Услыхав, что в краю моем
Враг добро мое жжет огнем,
Захотелось мне умереть.

Да не вспомнится через век
Нашим правнукам Курманбек,
Да утрачу в потомстве честь,
Если не совершится месть
И калмыцкое воронье,
Оскорбив киргизский народ,
Улетит в гнездовье свое,
А не под ноги нам падет.

Предо мною мутится свет,
Горько сердце мое скорбит,
Нам калмыки в теченье лет
Причинили сто тысяч бед.
Мой отец — опора и щит
Рода-племени своего —
Много принял от них обид,
Много времени своего
Он провел на коне верхом,
Бой ведя с докучным врагом.

Обрывалась яркая нить
Жизни доблестного бойца —
Выходил запрет хоронить
В родовой земле мертвеца.

Отвергаю покой и мир,
Вспомнив прошлые времена!
Сорок храбрых! Какой батыр,
Если страждет его страна,
Не поступит, подобно мне,
Не поможет своей стране?
А из вас, друзья, кто-нибудь
Отвернется ли от меня,
Изберет ли попятный путь,
Краю отчему изменя?

Чьих, скажите, достанет сил
Возмужавший мой дух сломить,
Остудить мой горящий пыл,
Мне, батыру, путь преградить?

Конь мой добрый в долгом пути
Бьющим в ноздри воздухом сыт.
Погулять его отпусти,
Посвисти — он на свист спешит,
Как привстанешь на стременах —
Горы брызжут из-под копыт,
Только следом клубится прах
Да навстречу земля бежит.
Вот каков мой конь Тельтору,
Мрамор и огонь — Тельтору,
Тельтору, на котором я
Полечу, кольчугу надев,
Защищать родные края.

Сорок джигитов подавили печаль разлуки с близкими. Лица их прояснились, сердца загорелись. Положившись на своего батыра Курманбека, обращаясь к нему, они говорят:

— Сорок нас, Курманбек-батыр,
Сорок верных твоих секир.
Все мы в бой пойдем за тобой,
Курманбек-батыр молодой!

Что ни молвишь — мудрая речь
Закаляет наши сердца,
Словно каждое слово — меч
В золотых руках кузнеца.
Наш единоутробный брат,
Ты нам ближе брата стократ.
Грозный, львиноподобный брат,
Голос твой — точно львиный рев,
Раздирает уши врагов,
Потрясает души врагов.
Знаем: ты ненавидишь ложь.
Если ты нам клятву даешь
Не морозить холодом нас

И не мучить голодом нас,
Не стегать безвинных камчой
И напрасно не укорять,
А цветной китайской парчой,
Шелком и золотой казной
По заслугам нас одарять,
Охранять, уважать, беречь,—
Мы пойдем за тобой на рать,
И сумеет джигитов меч
За тебя, наш лев, постоять.
Кличь на сечу тигров, батыр,
Знак единый джигитам дай,
Мы проложим путь через мир
И ворвемся в далекий край.
Если скажешь „вперед!“— пойдем
Хоть в огонь за братом своим,
Умереть прикажешь — умрем,
А за свой народ постоим!
Пусть не гложет тебя тоска,
Не склоняй головы на грудь,
Если ты готовишься в путь —
Будь вожатым нам сорока
Братьям, верным тебе навек,
Славный доблестью Курманбек,
Соколиной стаи глава,
Всех батыров земных краса!
Засучили мы рукава,
Затянули мы пояса,
Ополчили волю свою,
Посвятили долю свою
Верной службе родной земле,
И готовы знамя поднять,
Ночевать и дневать в седле,
И не отступать
Ни на пядь.
Если будет нам суждено,
Поживем во славу твою,
А когда судьба — все одно —
За тебя погибнем в бою.
Мы готовы начать поход.
Налетим на врага — сметем!
А погибнем — и смерть не в счет:
Мы умрем сперва, ты — потом!

Курманбек во главе сорока джигитов
идет на врага.

Чтоб красивыми были все
Сорок воинов удалых
И враги столь гордой красе
Удивились, увидев их,
Им из белого серебра
Снаряженье дал Курманбек,
И сказал Курманбек: „Пора!“
Вздрогнув, кони взяли разбег,
Грянул дробный топот копыт.

То не вихрь идет по траве —
Курманбек-батыр во главе
Сорока джигитов летит.
Дол гудит, дрожит небосвод,
И порой то копье, то щит,
То, как молния, меч блеснет.

Скачет вдаль на кровавый пир
Двадцатитрехлетний батыр,
Скачет вдаль, друзей веселит,
Станом прям и лицом пригож,
С Тельтору воедино слит,
На большую птицу похож,
Скачет вдаль, на битву спеша,
И смеется его душа.
Шлем на нем, кольчуга на нем
Отливают синим огнем,
И за ним, в кольчугах, друзья
Мчатся вихрем, врагам грозя.
В драгоценных ножнах клинки,
Шиты золотом чепраки,
Плечи всадников широки,
И колышутся, словно лес,
Сорок длинных копий в руках.
Сходит солнце с жарких небес,
Пропадает в сизых горах.

По вечернему холодку,
Путь держа от горы к горе,
Сорок воинов на скаку
Предаются шумной игре,
Мчатся вихрем по двое в ряд,
Кто кого повалит с коня.
И хохочут, и пыль клубят,
Стременами звучно звеня,
И стремглав уносятся прочь...

Мчатся всадники день и ночь,
Переходят снежный Алтай,
И дивится им чуждый край.
На джайлоо добрый народ
Им во славу песни поет,
Кипятит им зеленый чай,
Подает им курдючный жир;
И с народом дружбу ведет
Курманбек, киргизский батыр.
Видно, милостив небосвод
К тем полям и свежим лугам,
Всходят сочные травы там,
Счета нет пахучим цветам.
Курманбек и эти луга
Покидает, мчась на врага,
Пролетает мирный Кашгар,
Держит путь, не жалея сил,
Ибо должен его удар
Пасть на черный город Кымбыл;
Мчится, яростью обуян,
Жаждой подвигов одержим,
А джигиты его — за ним.
Весть о них разносит народ,
И кашгарский хан Бек-Акхан,
Услыхав о них, в свой черед,
Курманбека в свой ханский стан
И джигитов его зовет.

Дорог воинам каждый миг;
Курманбек идет напрямик,
Как пристало ему идти,
Не сворачивает с пути.
— Соберусь, мол, в обратный путь,

Посещу его как-нибудь.
Бек-Акхан — справедливый хан,
Добрый, правдолюбивый хан,
Под защитой его забот
Сыт и весел его народ.
Буду я с Акханом дружить,
Если впрямь суждено мне жить.
Мы, друзья, пойдем напрямик,
Пусть же в страхе бежит калмык,
Суд мой будет прав и суров.
Острый львиный коготь, друзья,
След оставит в стране врагов,
А кашгарцев трогать, друзья,
Нам нельзя во веки веков,
Свято чтите приютный кров
Скотоводов и пастухов!

Дозорный калмыцкого батыра Экеза, обращаясь к своему господину, говорит о встрече с Курманбеком:

— Он охотник, подумал я,
Не увидев его копья.
Разглядел я копье и меч,
И кольчугу и щит его,
Услыхал я громкую речь,
Поразил меня вид его,
Потому что киргизский хан
Ликом ярок, словно гроза,
Потому что он великан
И как жар у него глаза.
Страх коснулся моих волос,
Побежал я, а он мне: „Стой!“
Тут я сразу к земле прирос,
Задрожал, точно лист сухой.
Он меня пощадил, не то
Не остаться бы мне в живых.
С ним джигиты. Их счетом сто.
А, быть может, и больше их.
Все — батыры. Грудь — не в обхват,
Туго стянуты пояса.
Вороные кони глядят,
Очи выпуча, в небеса.

Мне киргизский хан повелел:
„Извести калмыцкий предел,
Извести калмыцкий народ,
Что войной Курманбек идет,
Что не дрогнет моя рука,
Что могучи мои войска,
Что под руку мою пришли
Сыновья киргизской земли.
Пусть ко мне Экез и Делен —
Эти два верблюда — придут,
Если их не пугает плен,
Суд и смерть. Я встречу их тут.
Пусть ведут дружины они,
Если впрямь мужчины они.
Вор Экез, угнавший наш скот,
От секиры моей падет,
Волк Делен, терзавший народ,
Сам своих костей не найдет.
Передай: у киргизов есть
Заповедное слово — месть,
Я его завещал мечу,
И Делену я отомщу
За горячую кровь сынов
Несравненной земли моей,
За горючие слезы вдов
И печаль седых матерей,
За разор, недоед, нужду,—
Отомщу, и тогда уйду,
Разрубив Делена с плеча,
Прах Экеза пятой топча!“ —
Так велел сказать Курманбек,
И глаза его из-под век
Полыхнули красным огнем,
И джигиты были при нем,
И стоял он как рыжий тигр —
Зачинатель кровавых игр.

Много правды в его словах.
Мы — добыча в его когтях.
Испытал я великий страх,
Пред лицом его трепеща.
С кем подобного силача
Ты сравнишь в окрестных краях?

Он стократ грозней всех людей,
Тигры люты, а он лютей.
Сорок тысяч в бой поведешь,
Пропадешь и в земле сгниешь;
Если хочешь слышать не ложь:
Ты — что масло, а он — что нож,
Ты — что заяц, он — что стрела.

Наша смерть за нами пришла.

И калмыцкий батыр Экез, услыхав это, изменился в лице, побледнев. „Надо посоветоваться с Деленом,“ — подумал он. И сразу поскакал туда, где находился хан. По прибытии батыр Экез говорит хану Делену:

—Хан мой, выслушай злую весть.
Прискакал я к тебе, как есть,
Не щадя своих старых лет
И загнав по пути коня.
Дай совет и прими совет,
И послушайся ты меня.
Под угрозою наша честь:
Приближается вражья месть!

Курманбек, Тейитбеков сын,
Ждет на Черной Горе сейчас.
Он пришел туда не один,
А с дружиной, в недобрый час.
Нам с тобою, мой господин,
Он явиться велел тотчас.
Курманбек, Тейитбеков сын,
Вызывает на битву нас.
Мне тревога сдавила грудь,
И поэтому без прикрас
Говорю тебе: мудрым будь,
Отведи беду как-нибудь!..

Хан Делен, разгневавшись, отвечает:
Я об этом уже слыхал,
Уши мне прожужжали вы.

Чем он всех вас околдовал,
Что хвосты вдруг поджали вы?
Разве я вас не вразумлял,
Чтобы соображали вы?
Волк взбесившийся оплошал
И нажрется одной травы,—
Курманбек в ловушку попал,
Не снести ему головы!
Коль упустим его теперь —
Много будет у нас потерь.
Мы должны его окружить,
Мы должны его захватить.
От батыров калмыцких, верь,
Не уйдет кровожадный зверь.

Кто непрошенным в щель прилез,
Тот останется у дверей.
Созывай батыров, Экез,
И веди на врага скорей!
Всех оставшихся соберу
И прибуду я сам к утру.
С чей-то помощью, или без —
Курманбеку я нос утру!
С волка шкуру я сам сдеру!
Курманбека я в прах сотру!

Батыр Экез говорит:

— Корунхана преславный сын!
Грудь моя неспроста болит,
Вещий голос моих седин
Осмотрительней быть велит.
Не ударишь ты в грязь лицом,
Но бесстрашнее — Курманбек.
Если б не был он храбрецом —
Не пришел бы сюда вовек.
Накопил он всю злость обид,
Понесенных от нас отцом.
Говорит его грозный вид —
Будет яростным он бойцом.

Сорок воинов, как один,
Вместе с ним отомстить клялись.
Корунхана бесстрашный сын,

Говорю тебе: берегись!
Разъярен молодой батыр,
Не пойдет на постыдный мир.
Одержим он мечтой одной:
Покарать наш народ войной,
Кровь калмыков пролить в песок...
Мы от смерти на волосок!

Исполина рука тяжка,
Не уйти от его меча,
Курманбек их разит с плеча,
Рассекает и кость и жир...
Подобрался он для прыжка,—
Тигр задумал устроить пир!
Сорок спутников — на подбор.
Их кольчуги — что блеск озер
На Тянь-Шане в полдневный час;
Ястребиный сверкает взор
Молодых беспощадных глаз.
Ты решением слишком скор.
О мой хан, отмени приказ!
Отступление не позор:
Силой враг превосходит нас.

Вижу, гневно ты хмуришь бровь,
Но всегда ты разумным был.
Понапрасну прольется кровь
Из калмыцких сердец и жил.
Сколько воинов ни готовь —
Отразить нам не хватит сил
Тех батыров, бойцов лихих,
Полных местью, пьянящей их.
Говорю тебе вновь и вновь:
Охлади свой опасный пыл!
Курманбеку не прекословь,
Иль не счесть нам своих могил.

Я наслышал уже давно,
Что злодей твой непобедим,
И тому, кто сразится с ним,
Быть покойником суждено!

Всех сильней он и всех умней
Между виденных мной людей.
Как-то, помню, один узбек
Рассказал мне про свой народ,
Что любых сокрушал врагов.
Девяносто его родов,
Как единый сражались род,
Их вождем был Ахмат-сардар,
Государственный человек.
Он хотел нанести удар
Курманбеку. Но Курманбек
Оказался к тому готов
И ударом ответил он,
И могучий Ахмат-сардар
К отступленью был принужден.

Кер-оглы был вождем туркмен;
Зажигая войны пожар,
Так стремительно брал он в плен,
Как священный бежит архар.
У развилины трех дорог,
Под защитою древних стен,
Курманбека он подстерег,
Но осилить его не мог.

И тогда, заключая мир,
Изумленно промолвил он:
— Не родился еще батыр,
Кто бы не был мной покорен.
Так откуда у кыпчаков
Появился такой герой?!
Ты мне тайну эту открой,
О поведай — кто ты таков?..

Курманбек — человек большой,
Уважает он свой народ.
Подойди ты к нему с душой,
И тебя он легко поймет.
Уваженья достоин он,
Ибо доблестный воин он.
Правде прямо в лицо гляжу:
Лучше с ним не сражайся ты.
Откровенно тебе скажу:

— С ним дружить попытайся ты.
Не добычи желает он,
Только гневом пылает он.

Твой отец Корунхан, скажу,
Слыл невиданным гордецом.
Как тебе я теперь служу —
Кочевал я с твоим отцом.
Был к советам чужим он глух,
Но ко мне он склонял свой слух
И всегда справедлив, хоть строг,
Наш народ от беды берег.
Курманбек не мальчишка-хан,
А известный боец, батыр,
Получивший немало ран,
Изучивший людей и мир.
Не затеял бы он поход
На твой город Кымбыл сейчас,
Если б твердо не знал вперед,
Что сумеет осилить нас.
Он давно уж лелеет месть
И к сраженью готов давно.
Верно, войска его не счесть
И достойно вождя оно.
Лишь китайский хан Чымачым
С Курманбеком в бою сравним.
Мог бы он его сокрушить,
Грозной силой, мечом стальным
И несчетным войском своим,
Но не стал бы, поверь, спешить.

Не шути с огнем, хан Делен.
Взять нельзя Курманбека в плен
И его не свалить мечом.
Все ему теперь нипочем.
Если он, зачиная бой,
Не падет от пули в бою,—
Что же дальше будет с тобой?
Не позорь ты старость мою!
Ты великий калмыцкий хан,
Ты храбрец, и твоя рука,
Как меча рукоять, крепка.
Но гордыней ты обуян

И не слушаешь старика...
Если б я помоложе был —
Может, я бы пошел с тобой,
Опрометчиво бы вступил
С Курманбеком в неравный бой..
Но теперь — где возьму я сил
Потягаться с самой судьбой?
Старше всех в нашем стане я —
Девяностолетний батыр,
И велит мне мудрость моя
Заключить с Курманбеком мир.
Отдадим ему землю, скот,
Не вступая в напрасный спор...
А не то их он сам возьмет
И на нас упадет позор.

Будет горько тебе, мой хан,
Уступить без боя в бою.
Для того и советчик дан,
Для того я тебе слуга,
Для того я тут и стою,
Чтоб избег ты напрасных ран
И умилостивил врага.

Всех калмыков я старше здесь,
Корунхана соратник я.
Потерял я в сраженьях спесь,
Но окрепла мудрость моя.
Не угасла храбрость моя,
Не боюсь меча и копья.
Но слова мои твердо взвесь,
В них мой разум и опыт весь.
Курманбек — он опасней всех,
Кто с тобой сходился порой,
Неизбежен его успех:
Правой местью горит герой.
Безрассудным не будь, храбрец!
Коль падешь ты в этом бою,
Обезглавишь нашу семью.
Корунхан, твой славный отец,
Управляя этой страной,
Был во всем согласен со мной.
Бить и я в барабан умел

И батыром бесстрашным слыл,
Не боялся ни слов, ни дел
И на тигра один ходил.
А когда на Кашгар в набег,
Помню, нас водил твой отец,
Моего меча не избег
Ни один строптивый глупец.

Мы рубились и в снег и в дождь.
Не страшил нас врага приход.
Корунхан был могучий вождь,
И при нем процветал народ.
Стал единым калмыцкий стан,
И привольно живется нам.
О, послушай меня, мой хан,
Рассуди ты спокойно сам:
Разве счастьем нашей страны
Можно нам рисковать сейчас?
Уповает народ на нас,
Мы ведь оба его сыны.
Если б мог спасти от войны,
Я б его своей жизнью спас,
Я б его своей смертью спас,
Я пожертвовал бы собой!..
Не вступай с Курманбеком в бой!

Услышав слова Экеза, Делен лишился было сознания, но скрепил сердце и, позвав разумных и чтимых среди калмыков людей, сказал:

— Из киргизов и кыпчаков
Уродился один силач,
И пугает он стариков,
Что не помнят своих удач,
Устрашает он простаков
И трусливых, больных щенков.
Поднимающих визг и плач.

Одряхлел ты, батыр Экез,
И с коня боевого слез,
Ты, ленивый, покой любя,
Потерял самого себя.
Разве есть у нас лишний скот?

И какое добро назвать,
Чтобы всякому, кто придет,
За здорово живешь отдать?

Этот юноша-„богатырь“,—
Голодранец, голодный рот.
Кулаки — тяжелее гирь,
А карманы — наоборот.
У него единственный конь
И один халат на плечах.
А Экез говорит: „Не тронь...“
Он рассудком совсем зачах.
Нам не надо таких речей.
Разве мы отдадим коней,
Не подняв боевых мечей,
Порешив, что враги сильней?
Многочисленный наш народ
Превосходно вооружен,
И врагу, что на нас идет,
Неужели уступит он?

Разве спину он повернет,
Предавая детей и жен?
Курманбек на рожон попрет—
Мы ударим со всех сторон!
Мы его поворотим вспять,
Чтоб не сунулся к нам опять,
Мы должны его наказать,
Нашу мощь ему показать!

Вижу я,—седина и жир
Задушили тебя, батыр!
Может, больше не воин я
И не в силах поднять копья?
Сорока ли мне человек
Так бояться, как ты твердишь?
Этот грозный твой Курманбек
Предо мной — что пред тигром мышь,
Там опасно, ты говоришь?
Понапрасну меня смешишь!
Успокойся, батыр Экез,
И могучим, как прежде, стань.
Не бывало таких чудес,

Чтоб мальчишкам платил я дань.
Поскачу я наперерез,
Расшибу я всю эту дрянь!
Разве эль наш слабее всех?
С ним киргизов я разобью.
Ожидает меня успех
В неминуемом том бою.
Оттолкну тебя, старика,
Курманбека согну в дугу;
И китайцев наверняка
Я осилить еще могу!
Ни барана, ни ишака
Не отдам бродяге-врагу.
Ничего на свете пока
Не боялись мои войска,
И не дрогнет моя рука.

Я с народом таким, как наш,
Завоюю окрестный мир.
Знаю, ты меня не предашь,
Но напуган ты, мой батыр.
Так откинь же позорный страх —
И врага мы развеем в прах!
Этот жалкий кыпчакский вор,
Что про силу мою забыл,
Верно, доит уже кобыл,
Режет их — и большой костер
Запалил у подножья гор!
Там пирует он до сих пор,
Все угрозы бродяги — вздор!
Мы устроим ему подвох,
Мы застанем его врасплох.
Без джигитов он, как архар,
Побежит от меня в Кашгар.

Я пощады не дам коню,—
Курманбека я догоню!
Пусть попробует он меча.
Дай киргизского силача —
Зарублю его сгоряча!

Разгневанный хан Делен стал созывать
калмыцкое войско:

— Поднимайся, мой славный эль,
Посылай джигитов своих!
Прямо к Черной Горе нацель
Десять тысяч коней лихих.
Грозный гул по степной земле
От могучих копыт пойдет,
Пусть испуганный враг во мгле
Чутким ухом к ней припадет.
Что такое в конце концов
Курманбек и сорок бойцов!
Похвальбы не боимся их,
Не боимся угроз пустых!
Так разгневанный крикнул хан,
Будоража калмыцкий стан.

И собралась большая рать,
В ней батыров не сосчитать.
Поскакали они, пыля,
Загудела кругом земля,
Затуманился небосвод...
Войско выступило в поход.

Курманбек на горе стоял
И, заметив тучу вдали,
Двух джигитов туда послал,
Чтоб разведать они могли,
Велика ль у Делена рать,
И спокойно стал выжидать.

Говорит Экезу Делен,
Развернувши рать во всю ширь:
— Вон он, юноша-„богатырь".
Будь же меч мой благословен!
Я сейчас пойду на врага,
Я пролью без пощады кровь.

Ты мне больше не прекословь.
Если честь тебе дорога,
Если верный ты мне слуга.
Хоть умчались твои года,
Хоть рука уж не так тверда,
И, как снег, твоя седина,
Вспомни прежние времена!

Ты был правой рукой отца,
Ты моими крыльями был,—
Почему же ты все забыл?
Не сдавайся ты до конца,
Собери ты остаток сил,
Прояви ты свой прежний пыл.
И не прячь от врагов лица,
Защищая родной Кымбыл.

Ты сильнее, чем барс в горах,
Ты сильнее, чем рысь в лесах,
Одолей свой минутный страх---
И противника сокрушишь!
Ты заветы предков хранишь,
Нет мудрей тебя никого.
Делай то, что нам говоришь!

Честь народа — выше всего!
Что такое сорок воров
Для такого как ты, скажи?
Ты еще могуч и здоров,
Как другие наши мужи.
Как чугунный чан — твоя грудь,
И бедро твое — что бурдюк,
Только смелым, как прежде, будь
И пред страхом ты не забудь
Силу собственных грозных рук!
Ты когда-то был как Манас,
Никого не боялся ты,
Коль враги окружали нас,
Храбро с ними сражался ты.
Поединков ты сам искал,
В гущу боя ты сам скакал.
Даже в самый опасный час
Никому не сдавался ты.

Мне б сказали: Экез твой — трус!
Не поверю тому, клянусь!
Ты — как черный железный брус,
Не сгибаешься никогда.
Утверждать неспроста берусь:
Ты — гранит, а враги — слюда.
Или ты одряхлел, мой друг,
И ослаб уже до того,
Что лишь вид сорока ворюг
Для тебя страшнее всего?
Ну, пойми же ты. сорока!
В самом деле — какая чушь!
Испугался ты пустяка,
Наш прославленный грозный муж!

Ты — учитель сынов моих,
Воспитатель бойцов лихих,
Постыдился бы, право, их
Перед станом врагов таких!
Как летучая мышь, чужак—
Сорока комаров вожак,
Проколи ты мальчишке грудь,
Беспощадным и сильным будь!
Поднимись и скачи вперед,
Славный воин былых времен.
Предводителя ждет народ,
На тебя уповает он.
Людям нужен пример бойца,
Вражье тело сплеча руби,
Вражьи кости мечом дроби,
На копье нанижи сердца!
Курманбекову рать сгуби,
Чтобы мне за тобой скакать
И убитых тела считать.
Я вклинюсь вослед за тобой
В прореженный тобой отряд —
И окончится этот бой
Покаянною их мольбой.
Ты — мой меч, ты — мой правый глаз,
Не упустишь ни одного.
Будешь твердым ты, как алмаз,—
Это мой боевой приказ,
И не смей нарушать его!

Ты удачливым был всегда,
Не сбивался ты со следа,
Тайну воинскую хранил,
Не жалел ни трудов, ни сил.
Был ты яростен и удал,
Нападения ты не ждал,
Всюду первым ты нападал
И поэтому побеждал.
Никогда не терялся ты,
И таким же остался ты!

Если б ты не держал меня,
Я бы сам туда поскакал,
Я бы сам врагов разметал,
Их коней по пескам гоня.
Эти сорок слепых щенков,
Эти сорок тупых клинков,
Эти сорок воров-задир,
Что они пред тобой, батыр?

Так, укоряя и подбадривая, старался хан Делен спасти честь своего престарелого батыра.

Возбужденный батыр Экез
Препоясал себя мечом.
Разъяренный батыр Экез
На коня молодого влез
И потряс боевым копьем.
Вновь гарцует вовсю герой,
Хоть ему девяносто лет,
И джигиты, равняя строй,
Скакунов направляют вслед.

На киргиза воин седой
Устремляется напрямик —
Скачет он за своей бедой,
Испуская визгливый крик.
Мчится бешено конь гнедой,
И трясется в седле старик,
Задыхается и хрипит
И не ждет он себе добра.
Говорит его жалкий вид,

Что минула его пора!..
Закруглилась дугой спина,
Как у ворона, у него
И улыбка мертва, черна,
Нету зуба ни одного!
Но, как видно, нужда сильна,
Не поделаешь ничего —
Распрямится и дряхлый стан,
Коль велит всемогущий хан!

Батыр Курманбек с горы увидал калмыцкую рать и к товарищам держит речь:

— Дождались мы своей поры,
Надо нам скорей выступать
И нельзя нам себя беречь!
Эй, джигиты, сыны мои,
Вражье войско спешит сюда.
Эй, джигиты, сыны мои,
Не жалейте теперь труда.
Боевая пришла страда.

Не щадите врагов своих!
Как колосья, косите их,
Как деревья, рубите их!
Первым я на врагов пойду,
Первым я на них нападу,
А когда опрокину их
И они побегут назад,
Бейте, храбрые, в спину их
И крушите их всех подряд!

Хоть недавно собрал я вас,
Хоть впервые вы на войне,
Но настал испытанья час,
И надеюсь на вас вполне.
Эй, джигиты, мои сыны,
Все узнать вы теперь должны:
Какова бывает земля,
По которой скачут, пыля,
Сотни злых боевых коней,
Чтоб остаться лежать на ней.

Какова эта пыль кругом,
Что стоит огневым столбом,
И туманом ползет потом,
И висит на холме крутом...
И каков он, багровый пот,

Что в сраженье по лбу течет.
Как струится кровавый ток
Из людских отворенных жил
И глотает его песок,
Там, где голову враг сложил...

Смерть повсюду встает, грозя;
Но податься назад нельзя!
Мы из дали родной пришли
На границу черной земли
Отплатить за отцов своих,
За былое бесчестье их.
Черный город у наших ног,
Это вражьей страны порог.
Сорок мстителей перед ним,
Непреклонные мы стоим!

Так сказал Курманбек бойцам,
И, ударив камчой коня,
Поскакал на калмыков сам,
Бес ощадно врагов гоня,
Развернув свое войско вширь,
Обнажив голубую сталь,
Мчится юноша-богатырь,
И смолкает его печаль.
Только честь ему дорога,
Только месть ему дорога.
Он отчизны своей слуга
И как вихрь летит на врага.
Он уже вклинился в ряды,
Он кровавой потехе рад,
И батыры за ним, горды,
Соколиной стаей летят.
Изумленно враги глядят
И не могут они понять,
Как ничтожный такой отряд
Атакует большую рать.

Седовласый Экез-батыр
Вырывается вдруг в ред.
Хочет он опрокинуть мир,
Что на смену ему идет,
Он, калмыцких бойцов кумир,

Курманбека на бой зовет.
Поединок решит их спор,
Одного из них ждет позор.
Боем Курманбек упоен.
В шлеме в панцыре крепком он;
Злобой старою вдохновлен,
Местью правою разъярен.
И противника грозен лик:
Девяностолетний старик
Зол и опытен, словно лев,
Что, в последний раз осмелев,
Нападает на склоне дней
На врага, что стократ сильней.
Поднимая копье и щит,
Хриплым голосом он кричит,
Пораженье врагу сулит,
В плен сдаваться скорей велит.

Надоела вся канитель
Курманбеку почти тотчас.
Намечает он сразу цель:
Печень, легкие, правый глаз,
Попади он копьем хоть раз —
Будет плакать калмыцкий эль.
И решает он: пусть умру.
Но и враг мой зато падет!..

А текинский конь Тельтору
В нетерпенье копытом бьет,
Громко ржет, удила грызет
И стрелою летит вперед.

Видит в страхе калмыцкий строй:
Пошатнулся Экез-герой,
Над конем он утратил власть
И на землю готов упасть.

Курманбек нападает вновь,
Поражает врага в висок,
И течет экезова кровь
По старинной броне в песок.
И, предчувствуя свой конец,
Крикнул войску древний боец:

— Эй, прощайте, мои друзья,
Должен с вами расстаться я!..
Здесь кончается жизнь моя,
Вижу берег небытия!..

Налетает вновь удалец,
Торжества уже не тая,
И старейшее из сердец
Пронзено острием копья.
Сполз на землю батыр седой
И метет ее бородой.

Уничтожен заклятый враг.
Победитель, склонив копье,
Поглядев на войско свое,
Тельтору переводит в шаг...
Но ведь это начало лишь,
На минуту настала тишь.
В луже крови лежит старик...
Вдруг раздался громовой крик,
Распален потерей своей,
Ободрить желая людей,
Вспыхнув жарким снопом огня,
Хан Делен пришпорил коня.
Перед ним стоит Курманбек
И задумчиво вдаль глядит...
Конь Делена ускорил бег,
Искры брызжут из-под копыт.
Черный город Кара-Шаар —
За спиной своего вождя.
Хан сейчас нанесет удар,
Хлынет кровь как струя дождя!
Хан могучий во всей красе
Надвигается, как обвал.
И решили калмыки все:
Молодой батыр сплоховал...

Но сошел печали недуг,
Что героя на миг сковал,
Курманбек встрепенулся вдруг
И бойцам своим закричал:
— Эй, джигиты, друзья мои,
Вздумал хан мою жизнь украсть.

Знайте, кречеты вы мои:
Ненасытна киргизов страсть.
Знайте, соколы вы мои:
Хан Делен должен мертвым пасть!
Знайте твердо, мои друзья,
Лишь тогда успокоюсь я!

Туго будет вам, говорю,
Иноземному богатырю!
Я Делена с коня свалю,
Я Делену брюхо вспорю,
Уши длинные обрублю,
Задавлю его, уморю!
А потом и его бойцам
Нанесу я добрый удар,
Я без помощи вашей, сам,
Загоню их в Кара-Шаар
И под верный надзор отдам
Пастухам овечьих отар.
Для калмыков я — что гора,
Обвалившаяся на них.
В отомщенье деяний злых
Биться крепко пришла пора!

И погнал батыр по бугру
Скакуна навстречу врагу,
И текинский конь Тельтору
Удила грызет на бегу.
На горячем степном ветру
Хлопья пены роняет он,
Тяжкий бег ускоряет он.
Повстречались лицом к лицу
Курманбек и калмыцкий хан.
Видно, дело идет к концу.
Кто падет от смертельных ран?
Кто зарубит врага мечом?
Кто проколет врага копьем?
Кто истопчет врага конем?
Кто в седле покачнется вдруг
И с тоской поглядит вокруг
На друзей, что с надеждой ждут:
Чем окончится божий суд?..
Убивай — иль тебе конец.

Нет пощады в такой борьбе.
И схватился с бойцом боец,
Предаваясь своей судьбе.

Был Деленов конек Тулпар,
Как посмотришь, ушаст и пег.
Получил он камчой удар,
Перешел на неровный бег;
Норовист был конек Тулпар.
И заметил то Курманбек.
Он Тулпара кольнул копьем —
И шарахнулся конь врага,
Хан Делен не сладил с конем
И в седле усидел с трудом,
Отскочил на два — три шага,
Курманбек ударил опять
И Делену пронзил плечо.
И Тулпар, подаваясь вспять,
В этот миг заржал горячо.
Потекла по доспехам кровь.
Опечалился хан Делен:
Курманбек налетает вновь.
Неужели сдаваться в плен?!
Лучше, думает, я умру!..
Но текинскнй конь Тельтору
Вдруг ударил Тулпара в пах,
И помчался тот по бугру:
Обуял его дикий страх;
Истекающий кровью хан
Ослабел от опасных ран
И с конем не мог совладать.

И тогда калмыцкая рать
Стала в панике отступать.
Как сухую листву, в тот миг
Мог ее смести Курманбек.
Но не только силой велик
В трудный час большой человек.
Вновь задумчив,
Юный герой
На недвижном сидит коне.
Он своей победой второй

Старый гнев насытил вполне.
Он подумал еще о том,
Что калмыки все же сильны
И вернуться могут потом
Для продолженья войны.
Поглядел на джигитов он
И на груды павших врагов,
И опять рванулся вдогон,
Увлекая своих бойцов,
Сорок воинов молодых
На могучих конях степных.
Вот они: удалец к удальцу
Мчатся снова в грозном строю.
Не сдержать им радость свою.
Их сердца. подобно свинцу,
Расплавляются в этот миг.
Подлетев к своему вожаку,
Поздравляют они на скаку
Победителя в этом бою,
Не смолкает их звучный крик.

А враги по степи бегут.
По дорогам клубится мгла,
И валяются там и тут
Искалеченные тела.
Курманбеку твердят бойцы:
— Вот нужнейшая из побед.
Ведь недаром наши отцы
Претерпели сто тысяч бед.
И покуда калмыцкий хан
Может силу копить, грозя,
Приведи в порядок свой стан.
И в решительный этот час
Успокаиваться нельзя.
Ты не можешь покинуть нас.
Не насытилась наша месть,
В сердце злоба покуда есть.
Наш могучий, любимый бек,
Самый мудрый ты человек,
Вспомни — родине ты слуга.
Мы должны разгромить врага!
Мы должны до конца дойти
По намеченному пути!

Отвечает им Курманбек:

— Пусть в сраженье мой враг разбит,
Пусть я кровью Делена сыт
И вражда моя — не навек,
Я не стану перечить вам,
Поведу вас и дальше сам.
Пусть охватит войны пожар
Черный город Кара-Шаар.
На врага обрушим кулак.
Пусть пощады попросит враг!

И погнали они коней
Крупной рысью в степной простор,
Чтоб навеки закончить спор,
Доказав, кто кого сильней,
Горяча своих скакунов,
Прославляя свой гордый эль;
Мчатся сорок его сынов,
И близка желанная цель.

Под копытами — лишь песок,
Ослепляющий белизной...
Шлем, кольчугу, стальной клинок
Раскаляет полдневный зной.
Впереди лихой Тельтору
Рвется вихрем, забыв жару,
Мчится слепо врагу вдогон
И вытягивается он,
Как олень, удалой рогач,
Без дороги летящий вскачь.

Курманбек разъярен опять.
Он, калмыков решив догнать,
Поглощая степную даль,
Беглецов настигает вновь,
И сверкает оружья сталь,
Выпуская на волю кровь.

Многих он уничтожил сам,
С маху рубит он пополам
И пронзает врагов насквозь.
Много воинов улеглось
На горячий степной песок,

Уронив на скаку копье...
И слетается воронье —
Будет лакомый им кусок!
Сорок смелых на этот раз,
Исполняя вождя приказ,
Колят, рубят, разя сплеча.
Меч сверкает, свищет камча,
Ржет упавший калмыцкий конь,
А во взорах горит огонь.

Легкой стаей в табун врагов
Сорок юношей ворвались.
Курманбек впереди — как рысь,
Не уйти от его клыков,
Кто настигнут им, тот — молись!..
И тогда, получив удар,
Уцелевшие впопыхах
Устремились в Кара-Шаар
И засели в его стенах.

Но оттуда дороги нет,
Их противник теперь настиг,
И калмыки держать совет
Стали в этот опасный миг.

печалившись, хан Делен
Стал джигитов своих корить,
Правду горькую говорить:
— Негодяи вы, подлецы,
Никудышние вы бойцы,
Не вставать вам теперь с колен,
Униженье испив до дна!
Меньше женщин вам всем цена.
Курманбеком убит Экез,
Я изранен, разбита рать...
Мы утратили всякий вес,
Не приходится выбирать!..
Надо нам посмирнее стать,
Надо мира теперь искать.

Пусть поедет батыр Эльбек,
Уважаемый человек.
С ним пошлю киргизу поклон.
Как ни кинь и куда ни глянь —
Смерть стоит с четырех сторон...
Курманбеку заплатим дань.
Поезжай-ка, Эльбек батыр,
Добывай нам желанный мир!
Повидай ты богатыря.
Видно, хвалят его не зря.
Коль свалюсь я и вовсе с ног —
Враг согнет вас в бараний рог!
Обратись ты к нему:
— Берен!*
Хочет мира теперь Делен,
Свой привет посылает он,
Биться впредь не желает он!
Скрой ты нашу вражду, Эльбек.
Пусть подумает Курманбек,
Что его уважаю я,
Что теперь мы ему — друзья.

---

* Эпитет богатыря.

Ты скажи:— посылает хан
В честь победы твоей, наш друг,
Дорогих даров караван
И при нем три десятка слуг.
Пусть верблюдов и прочий скот —
Сколько сможет угнать — берет.
Если нравится мой Тулпар,
И его пусть он примет в дар.
Если будет согласен он,
Значит, стал безопасен он.
Если гневен, прибавь тогда,
Не скупись. А не то — беда!

Красноречивый посланец Эльбек выехал из Черного города к юноше-батыру и передал ему то, что велел хан Делен:

— Здравствуй, доблестный Курманбек!
О счастливейший из людей,
Завершил ты славой набег.
Пред собой ты видишь друзей!

Мы покорны тебе теперь.
Делай с нами что хочешь, брат,
Мы не вспомним своих потерь.
Отворил пред тобою дверь
Наш прославленный, древний град.
Падишах наш и хан Делен
Повелел передать привет.
Будь могуч и благословен
Да живи десять тысяч лет!
Можешь кожу с меня содрать
Или братом калмыков стать.
Будем вместе мы воевать
И сокровища добывать.
Если милостив будешь к нам,
Станем все делить пополам!
Если хочешь нас истребить —
Это легче всего сейчас.
Только лучше позволь нам жить
И прости неразумных, нас.

Это старый батыр Экез,
Гордецом он упрямым был,
Сдуру в драку с тобой полез.

Получил он, что заслужил.
Ты насытил былую месть
И пошлешь о победе весть
В твой родимый киргизский край.

Не прими это все за лесть,
О мудрейший!
Но выбирай —
Смертный нам нанеси удар
Иль прими наш почетный дар:
Деньги! Золото, серебро!..
Для торговли прими добро:
Удивительных птиц перо,
Изумруды, парчу, шитье...
Что захочется — все твое!
И верблюдов и прочий скот
В искупленье обид бери.
Только в прошлое не смотри,
Хан Делен тебя в гости ждет.
Говорит он: Пускай придет,
Как родного, его приму
И почет окажу ему!
Говорит он: Пусть каждый год
Курманбек с меня дань берет.
Говорит он: Пусть наперед
Успокоится ваш народ —
Всем киргизам я друг теперь!..

О мудрейший! калмыкам верь!
Не обманут они вовек.
Будь же милостив!
Курманбек!
Не простишь ты нас неужель?
Дружбы хочет калмыцкий эль.
Братства хочет калмыцкий хан.
Ты к нему не напрасно зван.
Хочет он тебя обласкать,
Как большого гостя принять,
Хочет славу твою поднять
Выше ближних и дальних гор
И пустить ее на простор,
Чтоб тянулся к ней каждый взор,
Чтоб узнал о ней твой народ.

Хан Делен Курманбека ждет!

Курманбек искоса поглядел на батыра Эльбека и говорит ему:

— Погляди на меня, посол.
Что ж, по-твоему, я осел?
Сын собаки? Дитя овцы?
Вы, обманщики, подлецы,
Надуватели всех и вся,
Вдруг запели, мошной тряся,
Обещая мне вечный мир!
Ох, не ври ты, Эльбек-батыр,
Не бери ты на душу грех,
А не то подниму на смех,
Чтоб ты не был умнее всех;
А не то погоню взашей
Представителя торгашей,
Соблазнителя малышей.
Чем брехать, лучше рот зашей!
Поднимайся-ка ты с колен
Да скажи ты по правде нам:
Где ваш струсивший хан Делен,
Почему он не едет сам?
Если он и взаправду смел,
Так его я назавтра жду.
Не любитель я черных дел,
Против совести не пойду.
Вы ведь знаете, что вполне
Хан довериться может мне.

Допускаю, что вы верны
Самым лучшим своим словам,—
Ваши мысли мне не видны,
Доказательства мне нужны.
Я поблажки врагу не дам.

Если явится хан сюда,
Значит мира желает он.
А не хочет,— пускай тогда
Вновь меня вызывает он.
Я готов к поединку с ним.
А твои слова — точно дым...

Нам посредники ни к чему,
Толку нету для нас от них,
И к властителю твоему
Не пошлю я гонцов моих,
Не поеду и сам к нему.
Много видывал я таких,
Колеся по степной стране
На моем боевом коне!
Хоть и сладко ты, друг, поешь —
Не поддамся на эту ложь.
Как ты сам меня назовешь,
Если вдруг среди бела дня
Вы захватите в плен меня,
И Делен по моей спине
Пробежится своим кнутом,
Приговаривая притом:
— Рассчитались мы, брат, вполне!..
Что весь мир говорить потом
Станет с хохотом обо мне?
Быть посмешищем не хочу —
К хану в гости не поскачу!

Ты другого переупрямь,
А со мной — разговор пустой.
Коли хан покорился впрямь,
Пусть он явится в лагерь мой.
Потолкуем начистоту.
Будь уверен, Эльбек-батыр,
Я счастливым себя почту,
Коль наступит отныне мир.
Столковаться давно пора,
Я народу хочу добра.
Если честен Делен со мной —
Я покончить хочу с войной.
Приводи своего вождя!
Да взгляни-ка ты, уходя,
На джигитов, орлов моих,
На отважную хватку их.
Если мысли твои чисты,
Смело с дружбой к нам приходи.
Если служишь лукавству ты,
Снисхожденья тогда не жди.

Если хан твой — коварный лжец,
Всем калмыкам тогда конец!

Успокой ты калмыцкий эль:
Справедливость — вот наша цель.
Поразмыслит пускай Делен:
Не спасет его сотня стен,
Коль в ответственный этот час
Обмануть он задумал нас,
За добро заплачу добром,
А за зло учиню разгром.

Много вы причинили зла
Всем киргизам и кыпчакам,
Кровь шейитов нас привела,
Правой мести огонь зажгла,
Силу гнева дала мечам.
Вспомяните свои дела
И поймете, что делать вам!
При оди верблюдов твоих
И навьючивай ты на них
Вволю золота, серебра
И обещанного добра.
Пригони ты весь прочий скот,
Что решили вы нам отдать!
А когда хан Делен придет,
Пусть он знает, что нам сказать,
Пусть коварство забудет он,
Пусть мужчиною будет он
И достойный найдет ответ,
Чтоб народ не терзали мы,
Чтобы твердо сказали мы:
Между нас недомолвок нет!

Колебаться ты перестань.
Пусть назавтра твой хан придет.
Если хочет платить он дань,
Как намечено, каждый год,
Пусть укажет размер ее,
Сам я лишнего не возьму.
Таково решенье мое —
И другого я не приму.

Хану грозному своему
Волю ты передай мою:
Чтоб сюда прибыть самому
Срок до завтра ему даю!
Чтоб к полудню был караван
И обещанный ханом скот,
А не то пожалеет хан,
Выступаю тогда в поход.
Разгромлю его города,
Захвачу я Делена в плен,
С той поры уже никогда
Не сумеет он встать с колен...

Поезжай, торопись, гонец,
И помиримся, наконец!

Посол Эльбек воротился к хану Делену и говорит ему:

— Хан мой, был я, как ты велел,
У батыра в ставке его.
Три часа у него сидел,
О делах твоих говоря,
И постиг его существо:
Курманбек благороден, смел
И болтать не намерен зря.
Не по возрасту он хитер,
С ним вступать бесполезно в спор.

Он велел тебе передать,
Что не может приехать к нам,
И назавтра он будет ждать,
Чтоб к нему ты явился сам.
Говорит он, что месть жива
У джигитов его в крови,
Чтоб свои доказать слова,
Ты его к себе не зови,
А к нему поезжай сперва
И окладистость прояви,
Говорил он при мне бойцам:
— Я в бою готов умереть,
Но задам острастку врагам,
Чтобы к нам не совались впредь.

А когда пощады у нас
Беззащитный запросит враг,
То придется идти подчас
На сомнительный мирный шаг.

И поэтому, мудрый хан,
Лучше ты ему не перечь.
Разгромит он калмыцкий стан,
Головы тогда не сберечь,
Не сберечь твоих табунов,
Не спасти твоих городов.
Значит, слово, хан, за тобой,
Все приходится к одному:
Надо ехать тебе к нему,
Надо выкуп внести любой!

Хан Делен согласился и созвал большой совет из всех уважаемых людей своего народа.

Он держал к ним речь и рассказал все, как есть. Радея о спокойствии своего народа, порешили советники выполнить условия Курманбека. Навьючили золото, серебро и другие дары на шесть десятков красных одногорбых верблюдов, перетянув тюки шелковыми веревками. Прихватив также шесть десятков сивых коней, хан Делен и батыр Эльбек выехали во главе каравана к лагерю Курманбека, однако не поспели к назначенному сроку. Тем временем Курманбек, решив, что хан Делен и сладкоречивый Эльбек обманули его, выехал во главе сорока джигитов на дорогу, ведущую в город Кара-Шаар, чтобы окончательно разгромить и добить врага. Но тут же встретил мирный караван во главе с ханом Деленом. Решив испытать его, Курманбек ударил в барабан и пришпорил своего Тельтору. Тогда многоопытный Эльбек поднял белый флаг, и под этим флагом встретились хан Делен и юноша-батыр.

Хан Делен вздрогнул от страха и затаенной ненависти, но спешился и пожал руку сидящему на коне Курманбеку.

Батыр Эльбек, поздравляя всех с примирением, говорит:

— Падишах мой, славный Делен...
И батыров цвет Курманбек!
Пусть отныне, благословен,
Мир меж вами будет навек.
Наконец-то встретились вы,
Оставляя мечи в ножнах,
Не теряйте ж головы,
Осторожны будьте в словах.

Миновало время вражды.
И скажу я вам без прикрас:
Оба славны вы и горды,
Оба смелы вы и умны,
Оба знатны, оба сильны.
Хватит распрей отныне с вас!
Этой встречей доволен я:
Станем жить, как одна семья,
Без обид,
Без ссор,
Без тревог.
Счастлив я, что миру помог!
Этой встречей, вижу вперед,
Вы порадуете народ!

Хорошо, что ты, Курманбек,
Нам уже не желаешь мстить.
Может лишь большой человек
Старый долг забыть и простить.
Хорошо, что и ты, мой хан,
Превозмог даже боль от ран
И возглавил наш караван
С грузом золота, серебра
И обещанного добра;
Что согласен платить налог,
Что народ от войны сберег,
Что Кымбыл и Кара-Шаар
Не поставил ты под удар!..

Ты привез корзины плодов
Из прекрасных своих садов;
Ты привез рабынь и рабов,
Чтоб ухаживать за скотом
И готовить кумыс и плов...
Ты сражался храбро с врагом,
А для друга — на все готов,
Не жалеешь ты ничего
Для союзника своего!

Ты в подарок ему пригнал
Черно-бурого скакуна,
Он прекрасен, как редкий лал,
И несметна его цена,
Украшением табуна

Ты недаром его считал.
Этот конь — не чета коням,
По которым скользит наш взор.
С Кайбереном* он пасся там,
На заоблачных высях гор.
А на скачках, что были здесь,
Посбивал он со многих спесь,
Всех монголов он перегнал,
И китайцев он обскакал,
Побеждает он всех коней,
Урагана летит быстрей.
Нет подобного скакуна!
Им гордится моя страна!

Можешь верить мне, Курманбек,
Если сам не кривишь душой:
Не обманем тебя вовек
И народ не обидим твой.
Знай, батыр, что Делен — твой брат,
Что тебе он сердечно рад
И приветствует он тебя
С уважением и любя!

Не найдешь среди нас лица,
Что нахмурено в этот миг.
Дружелюбьем полны сердца,
Брат киргизам — любой калмык!

Это все не пустая лесть.
Наш народ и добр, и богат,
И поделится всем, что есть,
Он с тобою, могучий брат.
По раздолью гор и степей
Благодатной здешней страны
Черно-бурых наших коней
Бродят многие табуны.
Серебрятся, как у лисиц,
Гривы огненных кобылиц,
А кумыс из их молока,
Как вино, людей веселит,
Голова от него легка,
И пускается в пляс джигит.
Вкусно жирное мясо их,

---

* Мифический крылатый конь.

Из которого в добрый час,
Поджидая друзей своих,
Наготовили мы колбас.
Из аилов навстречу вам
Выйдут девушки без числа.
Рады будут они гостям,
Тем, чья мудрость наш эль спасла.
Приготовлен из перьев сов
Для волос их пестрый убор,
Их ликующих голосов
Вы услышите звучный хор.
Ими сшиты, чтоб встретить вас,
Платья красные, точно кровь;
В черных звездах прекрасных глаз
Вы прочтете нашу любовь!
Много есть у нас богачей —
Обладателей тучных стад.
Каждый встретить наших друзей
Будет счастлив и очень рад!

Всех налогом их обложив,
Свой обрадуешь ты народ,
Ибо сердцем ты справедлив.
Приходи сюда каждый год,
С нашим ханом поладишь ты
И захочешь его понять,
Вам обоим овец гурты
Будем поровну пригонять.
Если чем недоволен ты,
С нами будь, как угодно, строг;
Если вздумаешь — волен ты
Увеличить еще налог.

Не упорствуй напрасно, брат,
Мстя за крохи прошлого зла,
Нынче знаешь прекрасно, брат,
Стали плохи наши дела.
Зову чести послушен ты
И высокой своей судьбе.
Будь же великодушен ты,
Раз уж так повезло тебе!

Ты уедешь не навсегда,
Увозя наш богатый дар,

И проедешь ты города
Урумчи, Манас и Кашгар...
И увидит тебя Акхан,
Знаменитый кашгарский хан.
И минуешь ты много стран,
Провожая свой караван,
Вызывая зависть иных
И похвал восторженный град.
Могут души предков твоих
Ликовать сегодня, о брат!
Может радоваться с тобой
Кыпчаков и киргизов род!..
Ну, скажи нам, что кончен бой,
Успокой поскорей народ!

Курманбек обрадовался, но, скрывая это, говорит:

— Не могу я вас полюбить,
Но готов я вас пощадить.
Восстановлена наша честь.
Коль с повинной явились вы,
Позабуду злобу и месть,
Не сниму я с вас головы.
Не люблю вражды без конца.
Говорят у киргизов так:
Если просит пощады враг,
То прости даже кровь отца!
Опускайте вы белый флаг
И не надо речей льстеца.
Ухожу я от ваших стен,
Покидаю ваши края.
Коль доволен ты, хан Делен,
То доволен буду и я.
Коль платить вы будете в срок
Установленный мной налог,
То считайте твердо тогда,
Что вражде конец навсегда!

Курманбек, не слезая с коня, протянул Делену руку, и тот пожал ее Тогда Курманбек и его сорок джигитов тронулись в обратный путь, гоня перед собой богато навьюченный караван верблюдов и табун знаменитых калмыцких коней.

Хан Кашгара — Акхан, прослышав, что Курманбек убил батыра Экеза и ранил хана Делена, покорил калмыков и взял с них подать, выехал со своими сорока джигитами встречать его, трубя в трубы. Приблизившись, Акхан и его джигиты сошли с коней, с изумлением смотрели на Курманбека и приветствовали его. Курманбек и его сорок джигитов, сойдя с коней, приветствовали хана Акхана, который обнял Курманбека. В это время обнялись и все их джигиты.

Хан Акхан говорит:

— Здравствуй, друг мой хан Курманбек!
Рад всегда я видеть тебя!
Знаю, счастлив был твой набег.
Поздравлю ныне тебя!
Уж не малый прожил я век,
А таких не видывал дел.
Никакой другой человек
Совершить бы их не сумел!
Молодец ты, хан Курманбек,
Несравненная голова!
Нет, недаром про твой набег
По вселенной идет молва.
Говорят, герой — Курманбек,
Говорят, он похож на льва!
Он Экеза в битве сразил,
И Делена он победил,
Покорил упрямый Кымбыл
И могучий Кара-Шаар.

Десять дней назад посетил
Ты наш дружественный Кашгар.
А за этот десяток дней
Скольких ты истребил врагов,
Сколько ты раздобыл коней,

Получил дорогих даров!
Ты — джульбарс, мой могучий друг!
Никогда тебя не предам.
Усомнишься в других вокруг,
Приходи без опаски к нам.
У меня есть немало слуг,
Но кого причислю к друзьям?
А ведь именно в дружбе — суть.
На кого положиться мне?
Говорю: союзником будь,
Поживи ты в моей стране!

У себя средь эля всего
Не могу я сыскать никак
Полководца ни одного...
А меж тем обнаглевший враг
Совершает набеги с гор;
Что ни день — от разных бродяг
Я ущерб терплю и позор.
То дунган, то лихой калмык
Стерегут у моих границ,
И уж кажется — я привык,
Что крадут моих кобылиц
И уводят моих овец,
Поднимая переполох,
Заставая меня врасплох.

Должен я, хоть здоровьем плох,
Козням их положить конец;
Должен править твердой рукой,
Чтоб кругом водворить покой,
Чтоб окончилась болтовня,
Огорчающая меня.
Говорят, не правитель я.
Говорят, не хозяин я...
Говорят, что средь бела дня
Может всяк обобрать меня.
Как могу я то перенесть,
Как могу я достойно жить?
Каждый день я теряю честь,
Мне уж не с кем теперь дружить...

Много слышал я о тебе,
Курманбек, мой могучий друг.
О высокой твоей судьбе
Без конца говорят вокруг.
До сих пор я не знал тебя.
Но, увидев один лишь раз,
Десять дней поджидал тебя,
Не спуская с дороги глаз.
Я от племени катоган
Много слышал хороших слов
О тебе, благородный хан,
Победитель моих врагов.
Помоги мне, могучий друг,
Не забуду твоих услуг!

Ты навел бы порядок здесь.
Ты с калмыков согнал бы спесь;
На монголов нагнал бы страх,
Что разбойничают в горах...
Ты злодеев прогнал бы прочь,
Уводящих каждую ночь
За границу кашгарский скот.
Я отдам тебе в жены дочь,
Да продлится твой славный род!
Станем братьями мы с тобой.
Вместе будем ходить мы в бой,
Станем вместе мы пировать!..
Больше нечего мне сказать,
Больше нечего мне желать.
Если крикнешь кашгарский клич,
Обнажив боевую сталь
И развеяв мою печаль,—
Пусть еще я не очень стар,—
Ты прими мой великий дар
И страну свою увеличь:
Отдаю тебе весь Кашгар!

Курманбек, обрадовавшись, обнялся с Акханом, и оба они стали друзьями. Своего нового коня — иноходца масти черно-бурой лисицы — Курманбек подарил Акхану и,

погостив у него несколько дней, стал собираться в путь к дому.

Хан Акхан, провожая друга, говорит:

— Не с пустыми руками, брат,
Отправляешься ты домой.
Был ты беден, а стал богат.
Шестьдесят верблюдов с тобой,
Красных наров, груженых так,
Что шагают с трудом они.
Щедрым был твой старинный враг,
Но не только враги одни,
Устрашившиеся в бою,
Дарят нам коней табуны.
Чтоб ты видел дружбу мою,
Дар прими от моей страны.

Погляди: караван даю
Из двугорбых верблюдов я,
Белогривых коней даю
Ровно сорок. Пускай друзья,
Молодые бойцы твои,
Примут их от меня, герой.
Пусть в родимом своем краю
На конях этих станут в строй.
Ты прими от меня, мой хан,
Слитки золота, серебра.
Дар от чистого сердца дан,
Я желаю тебе добра!
Жаль, что нам расстаться пора!..

Курманбек отвечает ему:

— Принимая твой щедрый дар,
Покидая твой мирный стан
И приветливый твой Кашгар,
Обещаю тебе, Акхан,
Дружбу верную навсегда,
Неразрывный святой союз.
Буду я приезжать сюда,
Привозя для торговли груз.
Коль случится с тобой беда,
Ничего я не побоюсь

И кашгарские города
Защищать от врагов клянусь!

Кто твой друг или тайный враг,
Распознаю за год иль два.
Пусть предпримет коварный шаг —
И слетит его голова.
Будут наши сердца чисты.
Пусть все знают, что мы — друзья.
Коль не будешь спокоен ты —
Не могу быть спокоен я.
Наши помыслы не пусты,
Разлучить уже нас нельзя.
Я, как беркут в небе степном,
В неоглядной парю синеве.
Хватит мощи в клюве стальном
И ума в моей голове,
Чтобы сладить с хитрым врагом,
Что укрылся в чахлой траве!
Лишь заслышав клекот вдали,
Пригибаясь низко к земле,
Вон бежит он в серой пыли,
Вижу спину его во мгле,
Вижу пыль на своем крыле,
Выпускаю когти мои,
Черной крови хлыщут ручьи,
Подыхает грязный шакал,
Кровь чужую он долго лакал!..

А когда стою пред норой,
Где укрылся подобный герой,
Не вылазит оттуда он,
Только шлет привет и поклон
И награбленные дары;
И на время стихает он,
Выжидая своей поры...
Тут бы выбить прочь из норы,
Поскорей прикончить его,
Да жалею больше всего
Неповинных, честных людей,
Что увлек за собой злодей.

До свиданья, добрый мой друг!
Будь здоров и весел всегда!

Ты мне так полюбился вдруг,
Что вернусь я скоро сюда.
Счастлив будь и живи сто лет!
Не нарушится наш обет,
Будем вечно дружить с тобой.
Пусть отныне хищник любой
От тебя уходит ни с чем,
Как бы ни был он зол и смел.
Стану я угрозою всем,
Кто тебе угрожать посмел!

Я вручил тебе душу, брат,
Береги же мой аманат*.
Пожелай ты удачи мне,
Долог путь мой к родной стране;
Покидаю твой мирный стан.

До свидания, друг Акхан!

Хан Кашгара с почетом проводил Курманбека в путь.

---

* Аманат — залог.

Батыр Курманбек после трудного и долгого пути прибыл на родину. Весь народ, услышав об успехах и благополучном возвращении молодого героя, радовался беспредельно. И млад и стар встречали его. Но среди них не было отца батыра — Тейитбека, у которого Курманбек не спросил согласия на поход против калмыков. Рассказав народу про все свои дела, Курманбек отправился к отцу и, скрестив руки на груди, приветствовал его:

— Будь здоров, дорогой отец!
Вот и дома я наконец!..
Отчего же ты мне не рад?
В дальних странах я побывал,
Там с врагами я воевал
И со славой пришел назад.

Средь киргизов и кыпчаков
Сорок воинов я собрал,
Сорок юношей-удальцов,
Что страдали за честь отцов.
Каждый верности клятву дал
И на подвиги был готов.

На калмыков мы шли в поход,
Обижающих мой народ,
Угоняющих что ни год
Наших лучших тучных овец,
Уводящих без долгих слов
Табуны твоих скакунов
И верблюдов твоих, отец.

Отомстили мы за тебя,
Постояли мы за себя,
Укрепили славу твою,

Громоздя из трупов холмы.
Победили злодеев мы
В беспощадном этом бою.

Я рубил их, как рубят лес.
Пал их лучший батыр Экез,
Наш давнишний, заклятый враг.
И Делен, бесноватый хан,
Тяжело страдая от ран,
Сразу выкинул белый флаг.
Коль до той поры не умру,
Вновь пришпорю я Тельтору,
Покорю Текес и Кульджу —
Все к ногам твоим положу.

Власть, отец, у тебя в руках.
В самых юных и в стариках
Ты поддержку видишь кругом.
Разве в чем-то неволен ты?
Я надеюсь, не болен ты.
Чем же так недоволен ты? —
Мы удачу тебе несем!

Я — твой верный, покорный сын,
Ты — великий наш властелин,
Благородный, достойный хан!
Наказать меня прикажи,
Только слово одно скажи
Покорившему вражий стан...
Победитель пришел домой.
Не печалься, родитель мой,
Погляди на твой караван!
Погляди на верблюдов ты,
На навьюченные хребты,
На табун, что Деленом дан!

Погляди же на тучу грив,
Отливающих серебром!..
Разве я был несправедлив,
За минувшее отомстив?
Разве надо жалеть о том?
Разве каждым твоим бойцом
Я, как нужно, не дорожил;

Непочтителен был с отцом
И с врагами его дружил?
Иль бахвалился только я?
Или в том лишь вина моя,
Что с Деленом я мягок был?..
Или, может, калмыков жаль
Почему-то стало тебе?
Гложет сердце твое печаль
По безрадостной их судьбе?

Разве я обидел родных,
Разве им предпочел чужих
И на твой престол посягал,
И твою расшатывал власть,
И твоей погибели ждал,
Чтобы ханство твое украсть?!

Что ж не смотришь ты на меня
И суровы твои черты?
Отчего не милостив ты?
Иль калмыки твоя родня
С неизвестной мне стороны?
Или враг твой — больше не враг?
Иль богатства тебе не нужны?
Может, шаг мой — неверный шаг,
Может, плохо я поступил,
Что Деленову рать разбил
И с Акханом в дружбу вступил?

Не томи же меня, отец,
И скорее доверься мне.
Ведь единство наших сердец —
Это благо родной стране,
Это радость юным бойцам;
Это горе всем подлецам,
Из которых мыслит любой
Нас рассорить, мой хан, с тобой!..

Разве лучше, чтоб я кутил
И богатство тратил твое?
Иль Экезу в грудь не вонзил
Боевое свое копье,
Не заставил Делена выть

И скакать без памяти прочь,
И пощады жалко просить,
Когда стало ему невмочь!

Иль Кымбыл и Кара-Шаар
Не покорны мне навсегда,
Не вручили мне щедрый дар,
Привезенный ныне сюда!
У высоких дверей твоих
Красных наров ждет караван.
Так прими, мой великий хан,
В искупленье обид былых
Те сокровища дальних стран.

Разве я мальчишка-шалун,
Что способен вздор говорить?
Разве я негодный хвастун
И врага не смог победить?
Разве правда в моих словах
Не должна тебя убедить?
Разве надо, мой падишах,
Слишком строго меня судить?
Ведь недаром кашгарский хан,
Уважаемый бек Акхан
И его могучий народ
Провожали меня в поход.
А потом целых десять дней
Ждали, не пощадив себя,
И встречали, сойдя с коней,
С козлодранием и трубя.
Почему же такой почет
Оказал мне преславный бек?
Потому, что сердца влечет
Мой родитель, хан Тейитбек!
Сын его победил в бою,
Значит, вдвое отец сильней.
Уважают нашу семью,
С уваженьем тянутся к ней.

Дорогой мой, прошу я: встань,
Выйди только и сам ты глянь,
Какова от калмыков дань,
И какой небывалый дар
Шлет нам дружественный Кашгар.

Погляди, как велик мой грех,
Победителя то успех:
Слитки золота, серебра,
Драгоценных камней игра,
Белогривых коней табун,
Звуки труб и раскаты струн
И народа приветный гул!..
Если б ты хоть разок взглянул
На богатства у ног твоих,
Может, гнев твой тогда бы стих,
Ты сумел бы меня понять,
Пожелал бы меня простить,
Захотел бы меня обнять
И не стал бы меня казнить!..

Курманбек умолк. Тут отец его Тейитбек, просветлев лицом, вышел наружу и, увидев привезенные богатства, обрадовался. Он был жаден до добра, которое любил больше, чем сына. Успокоился хан Тейитбек, раздражение его улеглось. Призвав к себе муфтиев, казиев и всех уважаемых людей, сказал им:

— Курманбек победил врага
И богатство добыл в боях,
И попрала его нога
Супостата в дальних краях.
Повидал он окрестный мир
И друзей приобрел сердца.
Старый беркут отныне сир,
Упустив из гнезда птенца,
Стал могуч молодой батыр
И не слушается отца.

Курманбеку скажите вы:
Не сержусь на него теперь.
Пусть, как все молодые львы,
Порезвился могучий зверь.
Если он уважает нас,
Если воля отца — закон,
Пусть покорным нам этот раз
Будет без рассуждений он.

Пусть он девушку изберет
Из киргизских родов-племен,
Пусть он в жены ее возьмет,
Внуки — счастье для стариков.
Свой, как водится, не убьет,
Опасайся лишь чужаков.
Должен вам подчиниться он,
Должен остепениться он!

Мудрецы выразили согласие с Тейитбеком и явились к сыну его — Курманбеку. Старший из них, вазир Зайирбек, говорит:

— Уважает нас твой народ,
Нас прислал к тебе твой отец,
Он простил тебя наконец
И продлить свой мечтает род.
Ныне славен ты и богат,
Но, сказать без обиняков,
К сожалению, не женат.

Избери же невесту, брат,
Из киргизов и кыпчаков!
Назови ты ее женой!
Не позорь свой народ родной,
Не найдешь на чужбине ты
Ни проворства, ни красоты,
Равных прелести наших дев!
Отыщи себе львицу, лев.
Ты орлицу, орел, найди,
Чтоб согреть ее на груди,
Чтобы вывести с ней орлят.
Мы хотим тебе счастья, брат!
Мы ведь знаем, что с детских лет
Духи предков тебя хранят.
Ты ведь наш — и другого нет,
Кто бы столь же нам дорог был.
Так прими же благой совет,
Коль отца ты не разлюбил.
Средь киргизов и кыпчаков
Много баев и бедняков,
Много воинов, пастухов,
Много муфтиев и купцов...
Ныне просим тебя, герой:
Породнись ты с любой семьей,
Подчинись, не перечь судьбе
И невесту найди себе!
Так желает преславный хан,
Повелитель наш, Тейитбек.
Он — опора всех мусульман,
Уважаемый человек.
Сыну хочет он лишь добра.

И, конечно же, прав он в том,
Что жениться тебе пора.
Только выбери ты — на ком!

Сорок воинов у тебя.
Ты награду им посули,
Чтоб не очень о том трубя,
В этом деле нам помогли.
Пусть разъедутся кто куда,
Попадутся невесты им.

Если нужен большой калым,
Так, пожалуйста, не беда,—
Сколько хочешь тебе дадим!
Если хочешь ты сам искать,
Мы поможем тогда во всем.
Неужели тебе под стать
Нет невесты в краю твоем?
Неужели красавиц нет
Средь киргизов и кыпчаков?
Ты объездил весь белый свет
И вернулся в страну отцов.
Неужели же,— дай ответ,
Предпочел бы ты чуждый кров?
Или хочешь, вредя друзьям,
Привезти чужестранку к нам?
Не позорь ты наш милый край —
Дома девушку выбирай!

Разве есть где-нибудь страна,
Что отчизне твоей равна?

Нет прозрачнее наших вод,
Плодороднее наших нив,
Благородней, чем наш народ,
Что могуч, но миролюбив.
Нет просторнее наших гор
И лугов, что ласкают взор,
Как бухарских ковров узор.

Нет прекраснее наших дев,
Песен слаще, чем их напев.
На плечах у них то парча,

То камчатские соболя,
И душа у них горяча,
Как полуденная земля!..

Предостаточно их у нас,
И не надо скакать в Китай
Ради пары лучистых глаз,
Обещающих божий рай!
Коль не сыщешь по сердцу здесь,
Так отправлюсь я сам с тобой,
Свет, наверно, изъездим весь,
Побываем в стране любой,
Но поверь старику, герой:
Возвратимся ни с чем домой!

Вазир Зайирбек умолк. Тогда юноша-батыр Курманбек отвечает ему:

— Не пойму, вазир Зайирбек,
Что такое ты говоришь?
Здесь болтаючи целый век,
Чепуху ты мне не вдолбишь,
Хоть послал тебя Тейитбек!
Право, лучше б ты помолчал,
Оставался бы у дверей.
Разве я отцу поручал
Мне подружку найти скорей?!
Разве я говорил хоть раз,
Что немедленно мне нужна
Распрекрасная, как алмаз,
Добродетельная жена?
Коль такую нашел отец,
А потом повелел тебе
Столковаться за гурт овец,
Пусть возьмет он ее себе!
В этом деле, пойми, мудрец,
Я доверюсь только судьбе.

Если я не умру, батыр,
То изъезжу окрестный мир
И найду себе сам одну,
Мне назначенную жену.
Ведь единственная нужна

Нам красавица для любви,
Коль попалась тебе она,
Ты счастливцем себя зови!
А какую попало брать —
Не хочу я и не могу.

Лучше времени ты не трать,
Сердце чистым я сберегу!
Мой народ благодарен мне.
Не обидится он, вазир,
Коль невесту в чужой стране
По душе я себе найду
И сюда ее приведу.

Я не вижу бесчестья в том
Для отца или для себя.
А навязанным сватовством,
Где жену берут не любя,
Ты пойми это, Зайирбек,
Оскорблен буду я навек.

Не манит меня чуждый кров,
Но не знаю покуда я,
Средь киргизов и кыпчаков,
Иль в Китае жена моя,
Кто возьмет у меня калым,—
Наш батыр иль кашгарский бай.
Только сам сватовством своим
Я займусь,— это твердо знай!

Мне посредники не нужны,
А тем паче — в таких делах.
В том не вижу большой вины.
Пусть поможет отцу аллах
В начинаньях его благих,
Но, пожалуйста,— лишь в других!
Нет, не вижу я, в чем тут грех.
Я надеюсь, отец поймет,
Что тружусь я для блага всех.
Разве мой боевой успех
Не порадовал наш народ?
За отца, за родимый эль
Жизнь отдаст Курманбек-батыр.

Я не знаю, какую цель
Ты преследуешь, о вазир!
Все слова мои так просты...
И не надо быть мудрецом,
Для того чтобы их понять.
Или вздумал поссорить ты
Курманбека с его отцом?

Или хочешь мне навязать
Дочь иль родственницу свою?
Коли это имел в виду,
Я намерений не таю:
Уважаю твою семью,
Но в зятья к тебе не пойду!

Средь киргизов и кыпчаков
Много лучших есть женихов.
Не хочу, вазир, обижать
Ни тебя, ни твой славный сан.
Я поеду жену искать
В отдаленный Афганистан.
Уступить я вам не могу.
Пусть отец мой поймет меня,
Не хочу быть у вас в долгу,
Чтоб заела потом родня,
Чтоб сказали, что мал калым,
Что к отцу я ходил за ним!..

Почему не хочет понять
Уважаемый мой отец,
Что нельзя жену покупать
За верблюдов или овец?
Почему не хочет понять,
Что я воин, а не купец?
Что по милой нужно страдать,
Нужно таять, словно свинец?
Нет, не должен я трусом стать!
Счастье надо завоевать!

Если раньше я не умру,
То, наверное, через год
Сорок ястребов соберу,
Что ходили со мной в поход.

Мы наточим оружье вновь,
Чтоб отправиться на войну,
Где врагов самых грозных кровь
Я в сердцах на землю плесну,
Где отыщет меня любовь,
Где сыщу я себе жену.
Мысль, как будто бы неплоха —
У афганцев искать ее.
Там красавица есть одна,
И давно, говорят, она
Дожидается жениха,
Что способен отнять ее.
Знает сердце, что нет греха,
Коль отправлюсь обнять ее!
Ведь афганцы нам не друзья,
Это знаешь ты, Зайирбек,
И поэтому в их края
Совершу я большой набег.
Так внезапно я нападу,
Что в смятение ввергну их.
Пусть увидят свою беду:
Заявился батыр-жених!

Передай же, вазир, отцу:
Курманбек не согласен с ним
И считает, что не к лицу
За невесту платить калым!

Да к чему вообще спешить?
Разве брак мой необходим?
Это праздная болтовня!
Я не стану отца корить,
Что пожизненно холостым
Он оставить решил меня.
Передай отцу, Зайирбек:
Не выходит, мол, ничего.
Заупрямился Курманбек
И не слушается его,
Всех посредников гонит он,
И себя не уронит он!

Кто-то, помнится, говорил,
Караванщик или купец,

Что в Герате однажды был
И захаживал во дворец;
Видел девушку он тогда
И с тех пор ее не забыл,
Так прекрасна и столь горда
Победительница сердец.

Грозный воин, славный батыр,
Хан афганцев — ее отец;
А зовут ее Канышай.
Чтоб всему положить конец,
Я поеду туда, вазир,
И прошу тебя — не мешай.

Привлекает меня и хан
И его красавица-дочь.
Посетил я немало стран
И у них побывать не прочь.
Не беда, коли я не зван,—
Сам сумею себе помочь!

Говорят, что добра Канышай,
Что белей серебра Канышай,
Что светла, как звезда, Канышай,
Что, как сокол, горда Канышай.
Ходит в красных шелках она
И похожа на красный луг;
И красавица ни одна
Не сравнится с нею вокруг.
А отец ее, Бакбурхан,
Что бесстрашен, как барс в горах,
В самом деле великий хан.
Всем врагам он внушает страх,
Сотни подвигов он свершил,
Всех противников сокрушил
И прославил Афганистан.

Он в сраженьях непобедим,
Все мертвы, кто сходился с ним.
Он поклялся, что только тот
В жены дочь его заберет
И проникнет в его семью,
Кто один на один в бою

Верх над ним наконец возьмет
И с коня на скаку собьет,
Показав отвагу свою,
Кто Ургенча бурный поток
До того переплыть сумел.
А свирепый Ургенч глубок
И от пены кипящей бел.
Говорят, что никто не смог
Совершить этих славных дел.
Мне во многом аллах помог,
Я еще достаточно смел,
И хочу попытаться я
К Бакбурхану попасть в зятья!
Этот подвиг мне по плечу.
Канышай увидеть хочу;
Я смогу полюбить ее —
Таково решенье мое!

Говорят, и в своей стране
Хан Бакбур слыхал обо мне.
Говорят, что меня он ждет
И уверен в силах своих:
Не смогу, мол, невесту взять.

Что ж, посмотрим, когда придет
Курманбек, молодой жених,
Тестю ребра сломает зять!
Знаю, сорок бойцов моих
Уж готовы со мной скакать.
Жаждет подвигов юность их
И сметет она вражью рать!
Отправляюсь вновь на войну,
Привезу Канышай, жену!

Если только я не умру —
Без нее не вернусь домой.
Всех афганцев я в прах сотру!
Бакбурхану придусь ко двору,
Коли нужен ему герой!
Завтра двинусь я поутру.
Как находишь замысел мой?
Ты мне дорог, будто отец,
Уважаемый бек Зайир.

Иль не видишь — вырос птенец
И открыт ему целый мир!..
Но рассчитан мой каждый шаг,
Бакбурхан – осторожный враг...
Нужен будет посол-мудрец.
Так поедем со мной, батыр!

Лишь Ургенч минуем с тобой,
Перед тем как рванусь я в бой,
К Бакбурхану поедешь ты,
Разузнаешь о том, где дочь.
Я готов на подвиг любой,
Чтоб дойти до моей мечты,
Все опасности превозмочь!
Но прошу тебя мне помочь!
Тейитбека ты успокой:
Коль угодно ему — женюсь.
Я с невестой домой вернусь,
Канышай назову женой!

Юноша-батыр умолк. Вазир Зайирбек, поняв, что Курманбек не будет слушать больше никого, пошел к хану Тейитбеку и рассказал ему обо всем. Хан Тейитбек, отец Курманбека, говорит своему вазиру:

— Не могу я тебя понять,
Уважаемый Зайирбек!
Иль не видишь ты, что опять
Взбудоражился Курманбек?
Ведь афганцы нам не враги.
Успокоил бы ты его!
Опрометчивые шаги
В наше время страшней всего.

Бакбурхан — это не Делен,
Разгромить его нелегко
И не взять его с ходу в плен;
И страна его далеко...
Много встретится по пути
Снежных гор и мятежных рек...
Невозможно туда дойти.
Опозорится Курманбек!

Не один там ездок пропал,
Приходилось мне там бывать.
Между черных бесплодных скал
И тропинки там не сыскать.
Коль сорвался ты и упал —
Станут плакать отец и мать!..

Там таджики, туркмены там,—
Все с афганцами заодно.
Многочисленным племенам,
Что в союзе уже давно,
Мы не можем противостать.
Это ты понимаешь сам.
Шею можно себе сломать,
Если всех причислять к врагам!

Бакбурхан еще никому
В поединке не уступал
И бахвалу не одному
Позвоночник он изломал.
А когда угрожал ему
Неприятелей целый полк,
Их немедленно истреблял
Беспощадный афганский волк.

Разве может мой Курманбек
Дочь Бакбура назвать женой?
Разве знает мой Курманбек
Эль прекраснее, чем родной!
Курманбек у меня один,—
Я любви к нему не таю.
Не хотел бы я, чтоб мой сын
Пал бесславно в чужом краю!

Небывало силен Бакбур,
Неприветлив, свиреп и хмур,
Несговорчив он и упрям.
Он с торговца дерет семь шкур,
Не пускает врага к дверям,
В мозг стреляет богатырям,
Разрубает их пополам!..
Такова повадка его,
Раздразнить не сладко его!

Курманбеку пора бы знать,
С кем не следует воевать.
Чтоб не каялся он потом,
Право, мог бы на этот раз
Посоветоваться с отцом!..

Нет житья от его проказ!
Он сражается без конца,
И соседей тревожит он,
И не слушается отца.
Наши горести множит он.
Сколько нужно ему побед?
Много всяких нежданных бед
Натворить еще может он!

Курманбек ведь еще дитя,
Говорю тебе не шутя,
Что меня огорчает он,
Опрометчив он. И, хотя
Прямодушен мой сын и смел,
В жизни многих серьезных дел
Просто не замечает он.

Чтоб испытанным стать бойцом,
Полководцем и мудрецом,
Не хватает ему того,
Что не может быть у него.
Слишком молод он и строптив,
Беспорядочен, суетлив...
Разрешения не спросив,
Хочет ехать в Афганистан...
Ведь покуда еще я жив
И покуда еще я хан!

Не такой Курманбек батыр,
Чтоб идти с Бакбурханом в бой.
Надоел ему здешний мир,
Что решил он играть судьбой?
Разве мало ему задир,
Что бегут от него гурьбой?
Убеди ты его, Зайир,
Ведь считается он с тобой!

Он других сорванцов кумир,
Но умнее из них любой.
Разве можно так рисковать
И врагов себе наживáть?!
Ни за что пропадет мой сын,
Утешенье моих седин!..
Постарайся ты, чтоб избег
Страшной участи Курманбек;
Чтобы понял меня юнец
И опомнился наконец!

Что сказать может хан Бакбур,
Увидав, что пред ним птенец?
„Не нашел ты кыпчакских дур,
Так мою захотел ты дочь.
Воровал бы ты лучше кур!
Убирайся отсюда прочь!“

Не обманны уста молвы,
Хан Бакбур — на земле один.
Перед ним отступают львы!
Коль к нему поедет мой сын —
Не снесет своей головы!

Убеди Курманбека, друг,
Если только ты мне не враг.—
Пусть поищет жену вокруг,
Пусть обдумает каждый шаг.

Разве девушки наших мест
Хуже, чем Бакбурхана дочь?
Все афганцы таких невест
Увезти бы к себе непрочь!
Неужели мой сын таков,
Что противен ему совет?
Средь киргизов и кыпчаков
Неужели невесты нет?

Не вернуться ему назад,
Не минует его беда!..
Убеди Курманбека, брат,
Чтоб не ездил он никуда!

С этими словами Тейитбек отпустил Зайирбека. Вазир Зайирбек передал их юноше-батыру. Курманбек сделал вид, что не слышит и сказал: — А ну-ка, Зайирбек-ага, поедешь со мною или останешься с ним? — А Зайирбек не знает, как быть: ехать — боится Тейитбека, отказать — еще больше боится Курманбека. Постоял он в раздумье и говорит:

— Что ж, батыр, поеду с тобой!..
Но, уж если я буду жив
И обратно вернусь домой,
Хорошо тебе послужив,
Прогневив отца твоего,
Защити меня от него!

Курманбек, обрадовавшись, отвечает своему вазиру:

— Вот теперь ты мне угодил!
Ведь недаром я говорил,
Что люблю тебя, как отца!
Послужи мне по мере сил,
Сделай так, чтоб я не забыл
Зайирбека-мудреца!

Тридцать наров я нагружу,
В путь неведомый снаряжу
И джигитов предупрежу,
Что не скоро придем домой.

Пусть афганцы уступят нам,
И, конечно, я знаю сам,
Что попробую соли там,—
Не могу я сладить с собой.

Полюбилась мне Канышай.
Тут, попробуй, мне помешай!
Никому я спуску не дам!
С переполненною душой
Отправляюсь я в путь большой,
Приготовясь к большим делам.

Предо мною лежит весь мир,
Предо мною встает Памир...
Не уступит ему батыр,
Что к любимой своей спешит,
Не отступит от снежных круч,
Возносящихся выше туч;
Он любовью своей могуч,
И ничто его не страшит!
Беспощадны песок и зной,
Ослепительной белизной
Прожигающие глаза.
В черных скалах предо мной
Слышен осыпей шорох злой...
Там обвал гремит, как гроза!..

Под оврингами — крутизна,
И в тумане не видно дна...
Лишь Ургенч в глубине ревет.
Угрожают жизни моей
Когти барсов и зубы змей.
Но джигит стремится вперед.

Как узнать мне мою судьбу?
С Бакбурханом вступлю в борьбу --
Ведь уступит он дочь едва ль...
Погляжу, коли не умру.
Двух певцов я с собой беру —
Пусть развеют мою печаль!..

Нам запасы в пути нужны,
И кумысом у нас полны
Коокоры и бурдюки.
Чтобы мясо в дороге есть,
Я коней беру сорок шесть
И лепешек беру тюки...

Встречи с барсами ждет броня,
Сорок воинов ждут меня
И готовы пуститься в путь.
Мы готовы тебя ценить,
Мы готовы тебя любить,
Ты советником верным будь!

В незнакомый далекий край
Отправляется Курманбек,
Чтоб добыть себе Канышай,
Чтоб ее полюбить навек.

Обеспечил всем нужным он
Гостя знатного своего,
И вниманием дружным он
Поспешил окружить его.

Подъезжая к новым местам
Или горный взяв перевал,
Кобылицу жирную там
Каждый вечер он забивал,
Бешбармак готовил — и сам
Зайирбека им угощал.
Вот проехали Бухару.
Курманбек решил отдохнуть.
И задумчиво поутру
Он глядит на далекий путь.
А джигиты в глубоком сне
Неподвижно лежат кругом.
Что их ждет в суровой стране,
В трудных битвах с новым врагом?..
Курманбек продолжает путь.
И проходит несколько дней,
Наполняется счастьем грудь:
Едет он к желанной своей!..
Продвигается караван,
Что ведет Курманбек-батыр,
И, минуя Таджикистан,
Всходит он теперь на Памир.
Едут сорок богатырей
За вождем испытанным вдаль.
Всем им хочется поскорей
С Курманбека согнать печаль.
Дружно трудятся пастухи

И доильщики кобылиц,
Льется свежий кумыс в мехи,
Мчатся кони быстрее птиц;
И кумыс, бегущий рекой,
На привалах джигиты пьют;
Выбирают кусок любой;
Песни слушают и поют
И беседуют меж собой...
Горы сумрачные встают
Впереди высокой стеной,
Но батыры вперед идут.

Целый месяц в дороге той
Миновал, словно день большой,
Курманбек со своей мечтой
Воедино сросся душой.
Приближается грозный край,
Где решится судьба его,
Где прекрасная Канышай
Господина ждет своего.

Ввечеру тридцатого дня
Курманбек пришпорил коня...
Вдруг поводья он натянул,
Услыхав непонятный гул;
Но при этом вдруг ощутил
Холодок и восторг в груди,
Потому что сообразил:
То Ургенч ревет впереди!
Осмотрительный Курманбек
Свой последний разбив ночлег,
Сильный выставил караул
И спокойно потом уснул.

На рассвете проснувшись, он
Постоял, закусив губу,
И, подзорную взяв трубу,
На высокий взобрался склон.
Уходя в глубокий туман
И в синеющий небосвод,
За гремящей пучиной вод
Простирался Афганистан...
Там неведомый был народ
И могучий, свирепый хан...

Позабыв про трубу свою,
Курманбек поглядел туда
И увидел в чужом краю
Только скалы в панцырях льда,
Только стены черные гор
И как будто нити дорог.
Но невооруженный взор
Очень мало заметить мог.
Лишь огромный земной простор,
Да в ущелье у самых ног,
Расскакавшись во весь опор,
Белогривый гремит поток!..
Безмятежно кружит орел,
Опускаясь порой к реке,
Да какой-то зеленый дол
Чуть виднеется вдалеке...
Вон еще скала, и за ней,
Где Ургенча шире разбег,
Словно горстку белых камней
Различил аил Курманбек!

И сейчас же при этом он
Об афганке подумал вновь,
Потому что тот, кто влюблен,
Всюду видит свою любовь.

И, припомнив свою судьбу,
Оседлав свой разум опять,
Курманбек стал глядеть в трубу
И внимательно наблюдать.
Целый город был перед ним —
Белых юрт* большие ряды,
А над ними клубился дым...
Всюду жизни видны следы,
С бунчуками копья стоят,
Прислоненные у оград.
Очень много статных коней,
И на каждом из них седло...
Стало видно дальше, ясней
(В этот час уже рассвело),

---

* А и л и ю р т а — слова киргизские, свойственные речи Курманбека. Здесь имеются в виду каменные и другие городские дома. (*Примечание переводчика.*)

Курманбек убедился в том,
Что противник набега ждет,
И готов схватиться с врагом,
Как стремнину он перейдет.

Успокоился наш батыр,
От души тотчас отлегло,
Значит, он не нарушит мир,
Не свершит понапрасну зло!
Пояс он торопливо снял,
Омовение сотворил,
Перед спутниками предстал
В цвете юности, полон сил.
(Он таким же предстать мечтал
Перед той, кого полюбил.)

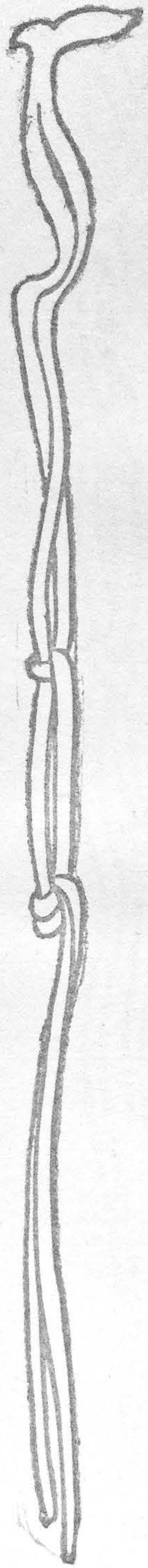
— Нас ведь могут опередить.
Надо к броду нам выходить,
Переправу скорей занять.
Надо меры все предпринять,
Чтобы нам в дураках не быть,
Чтоб напасть на врага врасплох
И устроить переполох.
Будьте все, друзья, начеку!
Много я на своем веку
Видел хитростей и засад.
Я не действовал наугад,
Но и зря никогда не ждал
И поэтому побеждал.
Надо взвесить нам каждый шаг.
Нам афганец — опасный враг,
И, конечно, наладил он
Оборону со всех сторон.

Всех доильщиков, нашу кладь
И верблюдов с прочим скотом
Надо нам замаскировать
И запрятать в ущелье том.

Приготовьте все турсуки*,
Все порожние бурдюки
И свяжите попарно их.

---

* **Турсук** — надутый воздухом мешок из бараньей шкуры, применяемый для переправы через потоки.

В мире нет свирепей реки,
Чем Ургенч в берегах крутых,
Часть одежды снимите вы,
Приторочьте ее к седлу.
Ну, вперед, молодые львы!
Обойдемте вон ту скалу.

Подошел к Зайирбеку он
И сказал ему:
— Мудрый друг!
Я обдумал со всех сторон,
Оглядевшись малость вокруг,
Что мы делать должны с тобой
Перед тем, как начнется бой...

Высоко на горе я был
И, воспользовавшись трубой,
Заприметил большой аил
Чуть подальше, за той скалой.
Мне узнать удалось уже,
Что противник настороже.
Потому что кони его
Под седлом стоят у оград;
И сюда, вернее всего,
Устремлен дозорного взгляд.
Это все, не смежая век,
Удалось мне сейчас узнать,
И поэтому, Зайирбек,
Надо меры скорей принять!

Надо нам с тобой не дремать.
Надо нам самим нападать!
Вас к победе я приведу,
Иль в чужой стране пропаду!..

Всадники спустились гуськом
С разгорающейся душой
К бурным волнам реки большой,
Где кровавая пена вод
На заре об утесы бьет,
Где немало на дне костей
Дружелюбных и злых гостей,
Караванщиков и купцов,
И батыров, лихих бойцов...

Стоя на ледяном ветру,
Курманбек поглядел вперед
На бушующих волн игру,
На синеющий небосвод,
И пришпорил он Тельтору,
Посылая текинца вброд.

Но в реке на третьем шагу
Обхватила его вода,
Подхватила его волна...
Не достав под собою дна,
Он, как лебедь, поплыл туда,
Где чернеет камней гряда
На утесистом берегу...
И джигиты плыли за ним,
За бесстрашным вождем своим.

А Ургенч клубился, как дым,
Скрежетал, бушевал и выл...
Но вперед по гребням седым
Весь отряд нерушимо плыл.
Кое-кто, пожелтев лицом,
Ухватился за гриву вдруг.
Можно доблестным быть бойцом,
А в воде пережить испуг.
Но спокойные, как всегда,
Курманбек и вазир Зайир
Не жалели сил и труда,
Чтобы спасся каждый батыр.
Приближались они к пловцам,
Укоряя, стыдя иных;
Помогали они коням,
Разгружали поклажу их.
Рисковали они собой
Для соратников каждый миг.
Их бесстрашье джигит любой
В этот день до конца постиг.

Тельтору, скакун огневой,
И в волнах был незаменим:
Он коней увлек за собой,
И послушно кони за ним
Устремлялись, как будто в бой,

И любой из них, невредим,
Выходил на берег крутой
С грузом и седоком своим.

Так пред встречей с грозным врагом
Был испытан каждый джигит,
Чтобы вождь их знал о любом:
Победит он иль побежит.
Но куда убегать в бою?
Нам от смерти дороги нет.
Положись на судьбу свою —
Проживешь девяносто лет!

Курманбек сосчитал отряд,
Убедился, что целы все
И орлами опять глядят,
Как один, в боевой красе.
Зайирбека поздравил он
И сказал при этом ему:
— Нами подвиг был совершен,
Что удался мало кому.

В этом месте, сошедшим с гор
Без помехи в рассветный час,
Переплыть Ургенч до сих пор
Лишь двоим удалось до нас.
Первым был Семетей-батыр,
А вторым—Кульчеро, герой;
Говорят, и они Памир
Посетили давней порой.
Ты, Зайир, понимаешь сам,
Что не только случай помог,
Лишь герои, равные нам,
Переплыли этот поток.
И еще никто не сумел,
Как бы ни был силен и смел,
Бакбурхана побить в бою,
Чтобы отдал он дочь свою.
Но я думаю, что теперь,
Раз никто не напал на нас,
Убивать не стану, как зверь,
Затаившийся в поздний час.

Бакбурхан хотя и строптив,
Но отважен и справедлив,
Надо нам, Зайирбек-ага,
Уважать такого врага!

Будь послом Зайирбек-батыр.
К Бакбурхану направь коня,
Передай ему от меня:
Не хочу я нарушить мир
Меж его и моей страной.
Говорю я ему — решай:
Или ты отдашь Канышай,
Чтобы стала моей женой,
Иль, попробуй, мне помешай —
Выходи на битву со мной!
Никому ты не запрещал
Попроситься к тебе в зятья.
Поединок ты обещал —
И его дожидаюсь я!

Передай, Зайирбек-ага,
Что приехал издалека
Курманбек, Тейитбеков сын,
Он Бакбура просит прибыть,
Чтобы с ним один на один
Боевые копья скрестить.
Передай, посол, эту весть
И проси оказать мне честь!

Коль не буду я из седла
Выбит ханом на всем скаку,
Не скажу, что плохи дела,
Что подобен я старику.
Хан Бакбур — молодец пока,
Величав он, могуч и строг,
Из железа его рука,
Живо скрутит в бараний рог!
Небывалый батыр-силач,
Всех доныне он побеждал,
Беспощаден он и горяч,
И удар его — как обвал!..

Пусть кажусь я слабым бойцом,
Пусть он скидки мне не дает
И с коня на скаку собьет,
И на месте меня убьет,—
Но пускай не сочтет юнцом.
Если даст он себя победить
Оперившемуся едва,
Всюду будет за ним ходить
Надоедливая молва,
Что состарился хан Бакбур,
Что польстился он на калым,
Что в минувший отважный тур
Уступил он славу другим,
Что забыл он, как держат меч,
Как срубают головы с плеч
Иль находят сердце в груди!..
Пусть он будет готов. Иди!

Курманбек умолк, отпустил Зайирбека, и тот отправился в путь.

Прибыв ко двору хана Бакбура, вазир Зайирбек увидел немало народу: стражу, дозорного на башне, горланящего бакхи,* солдат в строю и нескольких послов, прибывших по делам своих беков и ханов. Зайирбек разговорился было с одним из них, но в это время из дворца выехал хан Бакбур со своими сорока джигитами. Зайирбек приблизился и смело обратился к нему:

— Здравствуй, достопочтенный хан!
Господин мой прислал поклон.
Прибыл нынче в Афганистан
И тебя поджидает он.
Верно, ты слыхал про него —
Это сам Курманбек-батыр,
Знаменито имя его,
А мое — Зайирбек-вазир.
Должен я вернуться к нему,
Все сказав, что тебе скажу,
А иначе мне самому
Будет плохо, как погляжу.

У киргизов и кыпчаков
Есть великий хан Тейитбек.
Много мудрых, правдивых слов
Слышал сын его, Курманбек,
От родителя своего,
Не скрывавшего от него,
Как могуч и славен Бакбур,
Как прекрасна Бакбура дочь...
Курманбек, печален и хмур,
Не заснул до утра в ту ночь.
Стало ведомо молодцу,
Что хотят его оженить.
Он явился тогда к отцу,

---

* Бакхи — шаман.

Умоляя повременить,
И, сердечных дел не тая,
Напрямик ему заявил,
Что мила ему дочь твоя,
Что пошел бы к тебе в зятья,
Если б ты ему разрешил.
Уважая давно тебя,
Крепко чадо твое любя,
Сватом стать решил Тейитбек.
Просит он твой могучий эль —
Такова моей речи цель —
Породниться с нами навек!
Мы готовы с тобой дружить
И союзом тем дорожить.
Вот о чем говорил мой хан,
Провожая в Афганистан
Малолюдный наш караван.
Если ты уважаешь нас,
Дай согласие, Бакбурхан.
А не можешь — скажи сейчас.
Не пропал бы мой скромный труд,
Если б ты отвечал, как друг.
Там, где ханы мирно живут —
Хорошо и людям вокруг.
А когда меж вами вражда —
И народу всему беда,
Нет ему покоя тогда.

Хан мой сына послал к тебе,
Чтобы свой салам передать.
Просит он батыра принять,
Просит он Канышай отдать,
Чтобы счастлив стал Курманбек
И служил бы тебе вовек,
О прославленный кыраан,
Уважаемый Бакбурхан!
Курманбек — любимый герой
Всех киргизов и кыпчаков,
Он ведь после тебя — второй
Сокрушитель сильных врагов,
В честь победы его не раз
В братском стане пела труба.
Тверд и светел он, как алмаз;

Благосклонна к нему судьба.
С юных лет любимец ее,
Боевое держит копье.
Он, как беркут, в степи парит
И отвагой всегда горит.
Полюбил батыр Канышай,
Жить не может он без нее.
Счастью дочери не мешай,
Нам согласие дай свое!

Для тебя немалая честь
В предложении нашем есть.
Многих старых твоих врагов
Тейитбек побивал стократ,
Хан киргизов и кыпчаков,
Он достойный тебе собрат;
Я — его старейший вазир.
Ты не можешь о нас не знать...
Разве наш молодой батыр
Нежеланный Бакбуру зять?
Как относишься ты к тому,
Чтобы твой народ моему
В кровном братстве не отказал
И невест у нас тоже брал?
Как относишься ты к тому,
Чтобы свойственниками быть
И по-добрососедски жить!
Мы Ургенч перешли вчера
И условие соблюли.
Хоть стремнина была быстра —
Мы могилы в ней не нашли.
Я желаю тебе добра
И расцвета твоей земли,
Дожидаюсь тебя с утра,
Чтобы мы ликовать могли.
В знак почтенья, руки скрестив,
Я стою у твоих дверей.
Будь же, беркут мой, справедлив
И порадуй меня скорей.
Не раздумывай, падишах!
Правда — мы отныне друзья?
Правда — коль повелит аллах,
Курманбека берешь в зятья?

Бакбурхан устрашающе посмотрел на Зайирбека, выпучив глаза. Лицо его побагровело, и он грозно сказал:

— Ты приехал издалека,
Чтоб сказать мне всю эту чушь?!
Прочишь, стало быть, мне зятька,
Да еще младенца к тому ж!
Долго ждать придется, пока
Из него получится муж!
Я, как должно, слушал тебя.
Так послушай меня теперь.
Больно ты расхвалил себя,
Курманбека и свой народ!
Переплыли вы без потерь? —
Отыскали попросту брод!
Шестьдесят островов, небось,
Перебраться вам помогли!
Хоть пустились вы на авось,
Но легко достигли земли.
Сказки мне рассказывать брось! —
Вы не плыли, а просто шли!

Вы попробовали бы там,
Где всего лишь три островка! —
Знать, охота к таким местам
Не особенно велика?
Ловко вы местечко нашли,
Где Ургенч — не Ургенч сейчас.
Вы судьбу свою обошли,
Только случай счастливый спас,
Но не доблесть хранила вас!

Если вникнуть в твои слова,
Вздумал жизни лишиться ты.
Не нужна тебе голова,
Что поспел появиться ты,
Предъявляя свои права
И ссылаючись на судьбу.
Я терпенье нашел едва
Слушать всю эту похвальбу!
Обезумевший нетопырь,
Крылья жалкие растопырь

И лети в свой презренный стан!
Где же твой Курманбек-батыр,
Не имевший, как видно, ран,
Что с тобою приполз, вазир,
В неприступный Афганистан?!
Ищет смерти младенец твой,
Что явился к Бакбуру он?
Видно сунулся сдуру он,
И едва ли уйдет живой!
Значит этот юнец — жених?
Объясни же мне, где калым?
Иль пойдете домой за ним?
Где гурты твои, где рабы,
Где верблюды и где на них
Дополнительные горбы
Из монеты и серебра?
Показать их давно пора!
Но ясна мне твоя игра;
Смысла мало в словах твоих!

Смерть обоих вас привела —
И глупца, и его посла!
Коль действительно Курманбек
До сраженья со́ мною дорос,
Пусть немедля сюда придет.
Погляжу, что за человек
Этот дерзкий молокосос.
Он достойный прием найдет!
Погляжу, что предпримет он,
Чтобы шкуру свою сберечь!
Пусть секиру поднимет он,
Пусть вытаскивает свой меч.
Пусть визжит и трясется он,
Этот жалкий волчий щенок,
От меня не спасется он —
Хлынет кровь его на песок!
Мне ль бояться его,
Корноухого хвастуна?
Раньше драться его
Пусть научит твоя жена!
Раздразню его,
Чтоб скакал он вокруг меня,
И проткну его,

Чтобы шлепнулся он с коня!
Приведи его,
Пусть он горя хлебнет слегка.
Посади его
На крылатого ишака!

Иль девчонки капризней он,
Что так рвется к своей беде?
Здесь расстанется с жизнью он,
Коли смерть обманул в воде!
Видно, разумом он больной,
Что посмел Ургенч переплыть
И в единоборство со мной
Дерзко так решился вступить!
Коль собьет он меня с седла
И потом не умру от ран,
Значит, ваша, посол, взяла,
Отдаю вам Афганистан!
Значит, слава моя прошла,
Значит, плохи мои дела!

Значит, стар уже Бакбурхан!..
Но до той поры берегись!
Хоть Манасом самим зовись,
В порошок я сотру тебя,
Или в плен заберу тебя,
Комарами стану кормить,
В тесной клетке стану гноить;
Или выпущу, так и быть,
На широкий степной простор —
До могилы влачить позор!
Коли впрямь Курманбек — батыр,
Пусть он сделает сотню дыр
В боевой кольчуге моей.
Пусть покажет силу своей
Закаленной в битвах руки,
Для него ведь все — пустяки!..
Пусть меня своим жалом он,
Как фаланга и скорпион,
В сердце самое поразит.
Но впустую пусть не грозит!
Не напрасно я — Бакбурхан.
Укротитель вселенной всей,

Неспроста мне аллахом дан
Древний трон великих царей.
Я пророка чту и коран,
Уважаю своих гостей,
Но уж слишком нахален он,
Корноухий этот щенок,
Тейитхана малый сынок.
Будет мною повален он
И к земле пригвожден у ног!
Ведь сражаться надо уметь,
Коль плывешь ты, не сядь на мель.
Разве может осиротеть
Наш великий афганский эль?
Кто поверит, что хан Бакбур
Мог погибнуть в таком бою?
Что-то больно ты стал понур,
Поглядевши на стать мою!
Что прочту на твоем челе,
Когда крылья раскинет вширь
Этот маленький нетопырь
Курманбек по моей земле,
Когда кровь его потечет
Меж камнями вон в тот арык...
Может, скажешь ты, что почет
Для дитяти слишком велик?

Чем послом быть в деле таком,
Провалился бы лучше ты!
Сладко ль выглядеть дураком?
Лучше знать, что руки чисты.
Разве может этот юнец
Бакбурхана свалить с седла?
Как же смеет этот наглец
Посылать болтуна-посла?

Проезжал я как-то Кашгар
И наслушался чепухи,
Что разгромлен Кара-Шаар
За былые свои грехи,
Что погиб Экез-богатырь
И Делен заплатил налог!
Недоношенный нетопырь
Вряд ли сделать все это мог!

Но когда бы и был он смел
И сильней был в тысячу раз,
Как, скажи мне, он бы посмел
С разной швалью сравнивать нас?!
Бакбурхан тебе не калмык,
Не Делен со стадом его!
Твой волчонок, видно, привык,
Что шакал бежит от него!
Поглядим, после детских игр —
Что младенец твой запоет,
Когда выскочит старый тигр
И когтями его рванет!..
Получивши удар камчой,
Кыпчака нетопырь-сынок,
Сразу гонор утратит свой.
Заскулит он и наутек!
Долго ль этот зеленый плод,
От которого сводит рот,
Будет людям надоедать,
И оскомину набивать,
И мотаться по сторонам,
И кататься туда-сюда?..
Нынче он пожаловал к нам.
Ну, да не велика беда!
Дам ему хороший пинок,
Лопнет он — и вытечет сок...
Курманбек и сорок других
Желторотых птенцов таких,
Что смешно мне глядеть на них,
Вдруг посмели нам угрожать,
Будто целая вражья рать!
Угрожать Бакбурхану, мне,
Чья держава — Афганистан!
Мне, счастливцу в любой войне
И противнику англичан!
Мне, чьи жертвы лежат на дне
Или сдохли потом от ран!..
Мне, которого, говорят,
Уважает русский народ,
Угрожает стая щенят,
Корноухий, визгливый сброд!
Пусть попробуют — налетят,—
Их давно камча моя ждет!

Мне всего лишь семьдесят лет,
И никем я не побежден,
Передай же посол, ответ —
И другим быть не может он:
Пусть придет Курманбек сюда,—
Проучу щенка твоего.
Погляжу я — кровь иль вода
Потечет из тела его.
С Курманбека в этом бою
Вмиг соскочит ребячий хмель.
Не жалеть же мне жизнь мою,
Защищая афганский эль!
Не жалеть же мне дурака,
Что явился нам угрожать!
Но победа будет легка.

Передай, что буду я ждать.
Пусть пораньше приходит он
И джигитов приводит он,
Чтоб к восходу солнца я мог
Пропитать их кровью песок.
У меня слишком много дел.
Ну, иди, Зайирбек. Ты смел,
Но скажи спасибо, что цел!

Бакбурхан умолк. Зайирбек, сказав самому себе, что чудом спасся от смерти, вернулся к юноше-батыру и принялся рассказывать ему все, что видел и слышал:

— Вот и прибыл я, Курманбек,
Покоритель врагов и рек!
Легкомысленно в когти льва
Ты послал меня, господин.
Отпустил он меня едва
Только из-за моих седин,
И цела моя голова
Оттого, что я был один!..
Видел хана Бакбура я
И скажу тебе, не тая:
Содрогнулась душа моя!
Был я в крепости у него,
Передал все, что ты велел.

Услыхал он про сватовство
И ужасно рассвирепел.

Грозен хана Бакбура вид.
Гневен был этот великан.
За спиной у него стоит
Необъятный Афганистан.
Стража мрачная по бокам
И двенадцать вазиров в ряд,
Нету счета его войскам,
Десять сотен — каждый отряд.
Видел я как секиру там
Для Бакбура сейчас острят,
И при этом заметил сам,
Что ее окунают в яд...
Взвился конь его на дыбы...
Дым валил из его ноздрей,
Не уйдешь от него!
Скорей
Убежишь от своей судьбы!
Молвил он: передай салам
Господину ты своему.
Да скажи, чтоб явился сам,
Коль охота еще ему.
Молоденок твой Курманбек.
Он явился в мою страну,
Но домой не уйдет вовек,
Завтра шею ему сверну!
Пусть приходит ко мне смелей,
Да глядит пускай веселей,—
Мы готовы принять его!
Мы готовы обнять его!

Испугал меня Бакбурхан,
Улетела храбрость моя.
Пожалел немедленно я,
Что заехал в эти края,
В окаянный Афганистан,
Пусть проглотит его шайтан!

Ты погнался за Канышай
И рискуешь теперь собой,
Но надежды нас не лишай,
Что с Бакбуром не вступишь в бой.

Он в тяжелый панцырь одет,
Он в тяжелом шлеме стальном,
Он похож на горный хребет
Со сверкающим ледником.
Человечьего мало в нем!
Передумай, даю совет,
Не играй, Курманбек, с огнем!
Что далась тебе Канышай?!
Много есть красавец у нас,
Ими ты себя утешай,
Сколько хватит сердца и глаз!
Безрассудный ребенок ты:
Услыхал про игрушку — дай!
Брось бесмысленные мечты!
Говорю тебе: уезжай!

Свой народ — милее всего,
И не связывайся с чужим.
Хан Бакбур — настоящий зверь,
И, пожалуйста, мне поверь:
Надо нам бежать от него,
Если жизнью мы дорожим!
Надо ночью вновь переплыть
Бурноводный этот поток
И дорогу навек забыть
В эту худшую из берлог!

Погляди, как суров и хмур
Этот край даже ясным днем.
Не отдаст свою дочь Бакбур,
Только шею себе свернем!
Ты ведь молод еще совсем,
Дорогой повелитель мой.
Жить на свете хочется всем,
Отпусти же меня домой!
Ты мне дорог, как сын родной,
Возвращайся и сам со мной!

Курманбек ничего не ответил ему и глубоко задумался. Немного спустя все расположились на второй ночлег.

когда миновала ночь
И зашло созвездье Весов,
Курманбек разбудил бойцов
И сказал, что в конце концов
Заберет у Бакбура дочь.
И сказал Зайирбеку он:
— Ты дороже мне, чем отец.
Но блюду лишь один закон:
Отступать не должен боец!

Нет, не дрогнет сердце мое,
Как бы ни был ужасен хан,
Даже если его копье
Нанесет мне тысячу ран!
Сила молодости моей
Побеждает печаль и страх.
Эй, седлайте, братья, коней!
Крепче стойте вы в стременах!
Значит, хан говорил — с утра?
Что ж, приеду пораньше я!
Счастье мне попытать пора,
Нет иного пути, друзья!
Поединок — это игра.
Пусть поможет судьба моя!

Дорогой мой вазир Зайир!
Слушай, что говорю теперь:
Разве дома каждый батыр,
Заперев на засовы дверь,
Не считает, что он богат,
Хоть на самом-то деле гол?
Надо будет прощупать, брат,
Отчего Бакбурхан так зол.

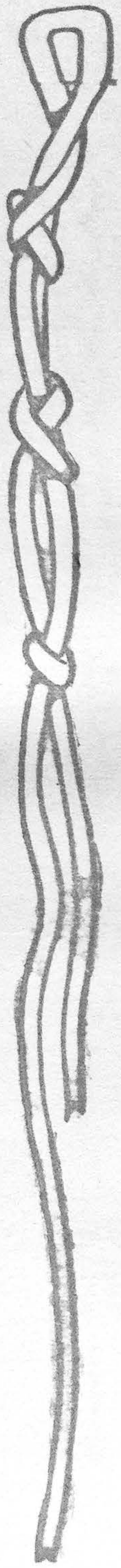
Может, этот герой — бахвал,
Ростом с гору — душою мал,
И дрожит он больше тебя,
Только шкуру свою любя?

95

Рассудительный Зайирбек
Осторожный был человек,
И пытался он возражать,
Но решительный Курманбек
Повелел ему замолчать.
А джигиты рвались вперед,
И стремился из них любой
Завершить поскорей поход
И вступить без оглядки в бой.

Курманбек совершил намаз,
Духам предков себя вручив,
К выступлению дал приказ,
Направляя отряд в аил,
Где Бакбур поджидает их,
Он особенно в этот раз
Был задумчив и молчалив.
Перед битвой он счастлив был
И уверен в делах своих,
Но на взлете душевных сил
По возлюбленной загрустил
И поэтому попритих...
Где тропа на горном горбе
отошла от каменных гряд
И на перевал Бас-дюбе
Подниматься начал отряд,
Курманбек, прибегнув к трубе,
Устремил внимательный взгляд
На большой афганский аил,
Что подобен крепости был.

Бакбурхана увидел он,
Что сидел на своем коне,
Окруженный со всех сторон
Многочисленною толпой;
Был он в белой стальной броне
И спускался горной тропой.
Собирались кругом войска,
Было больше их, чем вчера,
И казалась издалека
Муравейником вся гора.

Курманбек принял грозный вид
И копьем тяжелым потряс,
Ведь из этой толпы глядит
На него Канышай сейчас!
Ведь Бакбур глядит на него,
Светлой девы мрачный отец,
Беспощадный — и оттого
Самый страшный в мире боец...
В клубах пыли во весь опор
Сорок два ездока лихих
Пролетают по склонам гор,
Чтобы встретить врагов своих.

Курманбек оглянул аил,
И пришпорил он Тельтору,
Знамя гордое распустил,
Заигравшее на ветру.
И скакун заржал на ходу,
Мчась, как птицы одни летят,—
Ведь бывали в его роду
Кони с крыльями, говорят!..

Приосанился и седок,
Величав он, плечист и строг,
Превосходно вооружен,
Виден людям со всех сторон,
Чтобы враг убедиться мог:
Равен хану Бакбуру он!

А Бакбур на него смотрел
И отчетливо понимал:
Этот юноша не бахвал,
А свершитель великих дел.
И сказал Бакбурхан тогда
Всем, кто были вокруг него:
— Не впустую прибыл сюда,
А явился я для того,
Чтоб сразиться с грозным врагом —
С этим юным богатырём!
Развернул он на всём скаку
Знамя племени своего,
Победил на своем веку
Властелина не одного;

Много славных, великих дел
Этот юноша совершил
Прежде, чем явиться посмел
В охраняемый мой аил.
Переехал он Андижан,
Переплыл он Ургенч вчера,
Для того, чтобы Бакбурхан
Познакомился с ним с утра,
Наломал бы ему бока
И как следует проучил.
Что ж! Он ехал издалека,
И щадить я не стану сил,
Чтобы этого смельчака
Встретить так, как он заслужил!..

Где мой самый любимый конь,
Черномастый, как дикий гусь?
Весь он — буря, полет, огонь!..
Сам его иногда боюсь!..
Но зато выручал не раз
Он меня в лобовом бою,
И недаром я в трудный час
Доверял ему жизнь мою.
Сяду я на него теперь,
И навстречу судьбе самой
Пусть несет меня этот зверь,
Чтобы рухнул противник мой!

Но уж если не суждено
Повалить Курманбека мне,
Значит, буду с ним заодно:
Пусть гостит он в моей стране,
Пусть берет себе Канышай,
Ведь когда-то ей нужен муж!
А попробуй-ка не отдай,—
Сам возьмет, коли впрямь он дюж!

Канышай у меня одна,
И помощника нет в роду.
Мне опора теперь нужна,
В одиночестве — пропаду.
Угрожают китайцы мне,
И бухарцы уже не те...
Угрожают моей стране

Все, кто были с ней наравне.
Если быть суждено войне—
Дни окончу я в нищете!..

И калмыки сюда придут,
Чтоб разграбить Афганистан;
Обороны они не ждут:
Ослабел престарелый хан!
И другие мои враги
Обнаглели, как никогда.
Тут смотри лишь да береги
Нажитое за все года...
Нужен крепкий мне человек,
Да такой, чтоб он был родня;
Может статься, что Курманбек
В этом выручил бы меня.
Знаю — старость моя близка,
Надо жизни в лицо глядеть,
Хоть покуда крепка рука.
Но придётся и умереть!..
Поединок условьем был
Для того, чтобы дочь отдать,
Кто родителя победил,
Тот и будет мне лучший зять!
Курманбека знает Кашгар,
И калмыкам известен он,
Беспощаден его удар,
Бескорыстен и честен он,
Духам предков угоден он,
И во всем благороден он!..
Если зятем он станет мне,
Я доволен буду вполне,
Духам предков я воспою
Благодарственную хвалу,
С удовольствием дочь мою
Молодому отдам орлу!

Если буду повален я,
Вы не троньте его, друзья.
Это, значит, судьба моя
Хочет лучшего для меня.
Если конь мой помчится прочь,
Вы поймайте скорей коня,

Вы отдайте коня и дочь
Победителю моему
И воздайте почет ему.
Для меня же настанет ночь,
Или сына я обниму!

Зайирбек приходил сюда,
Я пугнул его — не беда!
Испытал я его тогда.
Правду я не сказал врагу —
Я для вас ее берегу.
Но условие соблюду —
На батыра я нападу.
Погляжу, что за человек
Этот юноша Курманбек!

Бакбурхан умолк и ринулся к юноше-батыру, спускавшемуся с перевала Бас-дебе на играющем коне, с распущенными знаменами. Курманбек рванулся навстречу противнику, и они сшиблись в поединке.

На тулпаре сидя своем,
Что был черен весь, как баклан*,
В тяжких латах, с длинным копьем
Несся вихрем афганский хан.

Курманбек, вступая в игру,
Подвязавши хвост у коня,
Ободрил камчой Тельтору,
На Бакбура его гоня.
И взвился текин, как стрела,
И помчался с громом копыт
Так, что пыли клубилась мгла,
Так, что дерн был местами взрыт.

И, столкнувшись, оба коня
Сразу вздыбились на бегу,
И мечи сверкнули, звеня,
Высекая брызги огня,
И согнулись копья в дугу.
То столкнулись в грозном бою,

---

* Баклан — черный гусь.

Словно оба шли на таран,
Испытуя силу свою,
Курманбек и афганский хан.
То схлестнулись они в борьбе
На широком плато Бас-дебе,
И каков-то будет исход!..
А кругом столпился народ,
И в толпе гадает любой,
Чем же кончится страшный бой.

Курманбек, полный свежих сил,
Неожиданно наскочил
И Бакбуру пронзил плечо.
Под кольчугой тот ощутил,
Как струится кровь горячо,
Пошатнулся вдруг великан,
И весь мир перед ним поплыл...
Понял с горечью Бакбурхан:
Курманбек его победил!
И упал на камни старик,
И влачил его Караказ...*
Но стояли мал и велик,
Соблюдая ханский приказ.

Курманбек не стал ожидать,
Караказа тотчас догнал,
Бакбурхану помог он встать
И с почтеньем ему сказал:
— Если клятву готов сдержать
Хан афганский Бакбур-батыр,
Перед ним — его друг и зять,
Предлагающий честь и мир!
Пусть в Киргизию мчится весть,
Пусть она порадует всех:
Бакбурхан — Курманбеков тесть,
Это самый большой успех!

Застонал, заохал Бакбур:
— Видно, старость моя пришла!..
Много я продырявил шкур —
До твоей рука не дошла.

---

* **Караказ** — кличка коня.

Что ж, как видно, тому и быть:
Забирай теперь Канышай!
Обещай мне дочку любить
И меня, батыр, уважай.
Видно, нужен помощник мне —
Угрожают враги стране.
Я спокоен буду теперь,
Счастлив я, Курманбек, поверь,
Что поверил своей судьбе
И опору нашел в тебе!

А не хочешь ты мне помочь,
Так ненадобно ничего...
Мне достаточно и того,
Что найдет свое счастье дочь.

Так сказал Бакбурхан батыру Курманбеку и вазиру его — Зайирбеку и попрощался с ними за руку. Курманбек и его сорок джигитов развеселились: ведь их желания сбылись.

Бакбурхан приехал к себе домой, созвал уважаемых в народе стариков и молодых и советовался с ними.— У меня было условие: кто переплывёт Ургенч и победит меня в поединке, тот получит в жены мою дочь. Курманбек переплыл Ургенч и победил меня. Исполнить ли клятву? Или откупиться богатыми дарами?

От имени всех собравшихся красноречивый батыр Тэпэ сказал, превознося достоинства Курманбека и перечислив его подвиги, что клятву надо сдержать и что юноша-батыр подходящий жених для Канышай.

Тогда хан Бакбур послал навстречу Курманбеку тридцать красивых девушек и сорок джигитов. Он велел трубить в корнаи, поставил четыре белых юрты и встретил Курманбека с пышностью и роскошью.

Канышай сидела задумавшись: „Отец мой собирается меня отдать за киргиза, странником пришедшего сюда; пойду-ка я да испытаю этого юношу-батыра.“ Подумав так, она вошла вдвоём со своей наперсницей, Батыймой, в долину, где никого не было, и говорит:

— На душе у меня печаль,
Я не в силах с ней совладать...
Иль отцу моему не жаль
Чужестранцу меня отдать
И в неведомую мне даль
Навсегда от себя услать?..
Как бродяга, пришел за мной
Этот юноша Курманбек.
Ну, скажи мне: кто он такой,
Чтобы с ним вековать мне век?

Я единственная дочь,
Брата нет у меня, увы!..
Не спала я сегодня ночь,
Не могу поднять головы:
Злые думы свои гоня,
Не могу я ни пить, ни есть...
Кто заступится за меня,
За свободу мою и честь?
Мой отец бессилен и стар,
Защитить ли меня ему?
Получил он один удар —
И меня отдает... Кому?!

Одинока на свете я,
Ну, скажи ты мне: отчего?
У других семья — как семья,
У меня лишь нет никого!..
Нету братьев и нет сестер,
Одинешенька я одна,
Только солнце приходит с гор
Да сестрица моя, луна!..

Выслушав слова Канышай, наперсница ее, Батыйма, подумала: „Госпожу мою замучили злые мысли. Надо постараться развеять их и разговорами о женихе развеселить ее“. Батыйма говорит:

— За два года коза родит
Восемь деточек-близнецов.
Как судьба на всех угодит?
Не горюй из-за пустяков!
У одних полон дом ребят,
У других нет ни одного...
У тебя хоть отец богат,
У соседа нет ничего.
Хорошо, коли в доме — брат,
И неплохо, коль нет его!
Вот уж сумерки настают.
Все мужчины едят и пьют.
Подберемся-ка к юрте мы
Да тихонечко жениха

Разглядим под покровом тьмы...
В этом, думаю, нет греха.
Коль понравится — будешь с ним,
Не понравится — не беда,
Шум какой-нибудь учиним,
И расстроится всё тогда!
Словно лань, стройна и тонка,
Разодетая в шелка,
Канышай поднялась и вслед
За подругой скользнула в дверь,
А всего ей пятнадцать лет.
Разглядим-ка ее теперь!
Даже там, где красавиц тьма,
Необычна ее краса.
Ясен светоч ее ума,
И до пят у нее коса.
Рот с наперсток, и бровь остра,
И в глазах — будто свет костра...
Загляни в них — и пропадай!
Такова была Канышай.

Перейдя вдвоем с Батыймой
Длинный двор, окутанный тьмой,
Полог юрты чуть приподняв,
Оглядела она гостей.
Смелый был у царевны нрав:
Жениха увидать самой
Непременно хотелось ей.

Курманбек один среди всех
Сразу взор ее притянул.
Вкруг него развлеченья, смех,
Голосов бесчисленных гул.
Рядом с ним — вазир и акын,
И батыры сидят вокруг.
Но пред нею лишь он один
Сердцем узнанный милый друг!..
Вот он, вот — Курманбек-батыр,
Ясный сокол среди людей!
Издалека на брачный пир
Он примчался сюда за ней,
Жить не может он без нее!

Бескорыстен, горяч и смел,
Он поверил в счастье свое,
Потому ведь и прилетел.
Мой отец, наверное, прав,
Дело видя со всех сторон:
Курманбек душой не лукав;
Все преграды повалит он,
Падишахом великим став!
И царицей будет она,
Молодая его жена!
В человечестве он — звезда,
Озаряющая весь мир.
И она, Канышай, горда,
Что теперь приехал сюда
Только ради нее батыр!..
Сразу он взбудоражил кровь.
В сердце девичье он проник,
Видно, это и есть любовь —
Раз оно расплавилось вмиг!

Канышай тихо вернулась вместе с Батыймой в свои покои. Прошло несколько дней. Переправив с помощью афганцев оставшийся на другом берегу Ургенча скот, Курманбек подарил его своему тестю. Потом состоялось бракосочетание.

Сорок дней продолжался свадебный обряд и тридцать дней длились празднества, во время которых была выставлена вся утварь и разостлана одежда. Затем Бакбурхан проводил свою дочь и ее мужа, дав им с собой тридцать наров, груженных разным добром, а также рабов и рабынь. Курманбек привез Канышай к себе на родину, пригласил в гости хана кашгарского — Акхана — со свитой и дал в честь его большой той. Проводив почетного гостя, зажил он со своей женой в мире и согласии. У них родился и подростал сын Сейидбек. С отцом Курманбек, однако, не ладил: очень уж вздорный и жадный был старик Тейитхан.

рошло пять лет. Курманбек решил обосноваться отдельно от отца, поближе к другу своему Акхану. В течение двух лет была устроена ставка в Турфане, и Курманбек, к счастью киргизов и кыпчаков, переселился туда. Имущество у него было свое, да и с калмыков получал он ежегодно изрядную дань. Однако коня Тельтору, принадлежавшего Тейитхану, отец Курманбеку не отдал.

Тем временем подошла пора ехать в Калмыкию за ежегодной данью, но Курманбек, опасаясь на этот раз коварства Делена, не решался ехать на каком попало коне и послал своих верных джигитов к отцу своему Тейитхану, прося дать ему Тельтору.

Джигиты, прибыв к Тейитхану, почтительно передали ему просьбу Курманбека.

Но Тейитхан заартачился, вытаращил глаза, выпятил подбородок, трясет бородой и, проклиная сына своего, говорит:

— Ох, уж этот мне Курманбек!
Слышать я не хочу о нем!
Собираясь идти в набег,
Он не спрашивал у меня,
Самовольно увел коня;
А теперь прислал за конем!..
Нет уж! Раньше, чем я умру,
Не видать ему Тельтору!
Зря ко мне Курманбек пристал,
Езжу я на текинце сам,
Никогда его не давал
И теперь никому не дам!
Как жениться он захотел,
Так не спрашивал у меня,
Натворил он безумных дел,
А теперь подавай коня!

Вы, джигиты, как сорок псов,
За подачкой пришли ко мне.
Не хочу ваших голосов
Больше слышать в моей стране!
Не торчите вы под окном
Да не тявкайте у дверей,
Не скулите вы об одном,
Убирайтесь-ка поскорей!

Курманбек мне не сын теперь,
Для него запираю дверь.
Посторонних, с кем лил он кровь,
Ценит больше он, чем отца,
Разорял меня вновь и вновь,
Оскорблял меня без конца...
Ты богатство ему готовь,
Сто потов отирай с лица,
Он же будет кутить, скакать
И врагов себе наживать,
А расхлебывать мне, отцу!

Тельтору отдать наглецу?!.
Нет уж,— этому не бывать!

Пусть погибнет ваш Курманбек
От калмыков, как заслужил!
Пусть умрет он в расцвете сил
Недостойнее, чем он жил!
Ныне проклят он мной навек,
Про него я навек забыл,
Не хочу руки протянуть,
Попади он в руки врагу;
Буду в золоте я тонуть,
Но ему я не помогу!

Он совсем загнал Тельтору,
Истощил моего коня,
Не давал ему пить в жару,
Не кормил его по три дня.
Конь состарился до поры,
Зубы выпали у него,
Вместо глаз—только две дыры,
В гриве— три волоска всего...

Видны ребра издалека,
Хвост посыпался, как труха,
Брюхо плоское, как доска,
Камни в нем, а не требуха!
Крылья мне отсек негодяй,
Что без спросу текина брал!
А теперь говорит — отдай!
Как же! Так я ему и дал!
То-то, подлый, не кажет глаз,
Посылает гонцами вас!..
Будь он проклят, беспутный сын!
Пусть удачи не знает он!
Не щадил он моих седин,
Без коня пусть погибнет он!
Коль придёт он в родимый дом —
Двери я перед ним запру;
Пусть поклонится со стыдом —
Все равно не дам Тельтору!

Своевольничать он привык,
Не хочу ему помогать!
Пусть, нарушив обет, калмык
Окружит вашу песью рать,
Пусть пронзит Курманбеку грудь,
Раздробит ему позвонки!..
Так и надо! Свиньей не будь,
Не считай, что все дураки!

Много людям он сделал зла,
Зло теперь замышляет вновь.
Пусть, проливши черную кровь,
Задерут его, как козла!
Пусть его забирают в плен —
Я не выкуплю ни за что!..
Пусть убьет его хан Делен —
Я спасибо скажу за то!

Скакуну такому, как мой,
Нету равного на бегу.
Откормлю его и зимой
Первым выставлю на байгу.
Лучше просто его продам,
Подарю за службу рабам;

Лучше плохо устерегу,
И достанется он врагу,
Чем его Курманбеку дам!

Призовет ли меня аллах,
И на этой земле умру,
В белый панцырь одев, мой прах
Пусть возложат на Тельтору,
И под знаменем боевым
Поскачу, как любой батыр,
Подавая пример живым
И достойно покинув мир.

У меня больше нету слов.
Как терплю я вас — не пойму.
Убирайтесь вы, сорок псов,
К хану песьему своему!
Доложите скорей ему:
Проклял выродка Тейитбек.
Удивляюсь я одному,
Что не сделал из вас калек,
Что я шеи вам не свернул,
Как ничтожным перепелам;
Что в дугу я вас не согнул,
Не рассек вас всех пополам!

Вон, ободранные ослы!
Вон, бессовестные послы!

С этими словами старик Тейитбек выпроводил сорок джигитов. Те, пятясь назад и довольные тем, что уцелели, поспешно вскочили на коней и вернулись в разбитый неподалеку лагерь хана своего Курманбека, где он ожидал их.

Джигиты говорят:
— Дорогой наш, любимый бек!
Вы к отцу посылали нас,
Но, как видно, в недобрый час:
Взъерепенился Тейитбек,
Недостойный он человек,
Проклял сына он своего,
Не дает он вам ничего,
Кровь свою совсем разлюбя...

Гнусно злобствуя и грубя,
С бранью выгнал нас от себя!..
Как ругал он тебя, наш брат!
Поносил тебя, проклинал,
Страшной смерти тебе желал!
Тот, кто рядом тогда стоял,
Головою, скорбя, качал.
Нам же горше было стократ,
Что старик отказал тебе,
Предавая слепой судьбе.

Разве можно без Тельтору
В стан Делена тебе идти?
Чует сердце, что не к добру
Стал старик поперек пути!..
Если он пожалел коня,
Для чего было проклинать
И, друзей твоих прочь гоня,
Страшной смерти тебе желать?
Ведь скотина — не человек,
И гнетет нам сердца печаль:
Так бессовестен Тейитбек,
Что и сына ему не жаль!

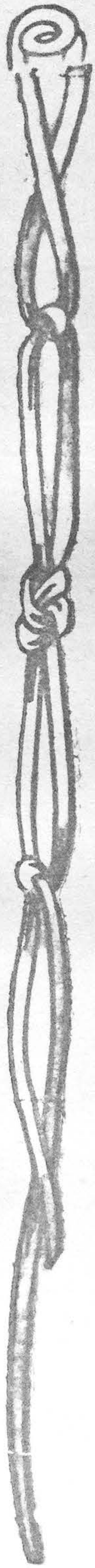
Что он — отчим или отец,
Этот изверг и скопидом?
Он ведет себя, как подлец!
Отчего мы сидим и ждем?!
Почему мы должны терпеть,
За какую страдать вину?
Уж давно пора умереть
Окаянному болтуну!
Сын единственный у него.
Так зачем же, проклясть спеша,
На погибель он шлет его?!
Как, должно быть, черна душа
У подобного торгаша!
Разве могут идти дела
Хорошо у такого пса?
Раз другим он желает зла —
Пусть рассыпется в полчаса,
Пусть провалится без следа,
Пусть он сгинет невесть куда!

Не видать нам покоя, брат,
Если будет этот злодей
Без вины поносить людей.
Раз уж дело такое, брат,
Мы пойдем к твоему отцу,
Что давно тебе не отец,
И убьем его, как овцу,
Сердцем он ведь и так мертвец.
А потом среди бела дня
Заберем твоего коня,
Нам не будет никто мешать,
Станут люди вольней дышать!..
Это правильный, мудрый шаг,
Ты — отец наш и падишах!

Ведь покуда старик живой,
Все желанья его живут.
Нас одни неудачи ждут,
Раз проклятье над головой!..
Чтобы стало камнем оно,
Надо силы его лишить,
Надо нам старика убить.
На роду ему суждено
Не почетную смерть принять,
А, как псу, под кустом лежать.

Надо нам Тельтору забрать.
На другом коне все равно
Ты не можешь в битву скакать,
Наш любимый хан Курманбек.
У текина такая стать,
Что не встретить нигде вовек.
Никому его не догнать,
Будет он тебя охранять
И от смерти оберегать,
Осторожный, как человек!..

Сорок джигитов закончили свои слова. Курманбек, не показывая вида, что печален, расправив нахмуренный лоб и насупившиеся брови, говорит:

Замолчите, друзья мои!
Не спешите, друзья мои!
Это делают лишь глупцы.
Не велит голова,
Чтоб такие слова
Услыхали ваши отцы!
Не могу я родства забыть.
Тот не может батыром быть,
Кто отца своего убьет.
Честь нам надо беречь.
Недостойная речь,
Не родившись, пускай умрет!

Пусть безумствует мой старик.
Постараюсь о том забыть.
Вероломен Делен-калмык,
Норовит он меня предать,
Норовит он меня убить.
Но достаточно повидать
Я успел на своем веку.
Буду я вдвойне начеку!

Не хотел Тельтору отдать
Мой жестокий, скупой отец.
Что ж! Просить не пойду опять...

Ведь не хуже табун
Многочисленный мой
И не хуже скакун,
Что сейчас подо мной —
Темно-рыжий мой жеребец!

Иноходец он хоть куда,
Он совсем еще молодой.
Не случится со мной беда,
Посмеюсь над любой бедой!
Все заботы я скину с плеч,
Обнажу мой любимый меч,
Белый панцырь надену я
И начищу конец копья.
Заблестит боевая сталь,
И, развеяв свою печаль,
Мы помчимся все вместе вдаль.

113

Эй, седлайте, друзья, коней!
Рыжий конь мой копытом бьет.
Утро вечера мудреней.
Завтра трогаемся в поход!

Так, скрывая смятение и печаль, говорил Курманбек.

На другой день Курманбек и его сорок джигитов двинулись в город, где ждала его Канышай. Курманбек ехал не спеша, плавно покачиваясь, но с тревогой в душе. Не мог он забыть отцовских проклятий, знал он, что темно-рыжий конь намного хуже Тельтору, и не мог успокоиться.

Поднявшись на караульный холм, что стоял на пути в Кашгар, Курманбек направил подзорную трубу на свой город, посмотрел и увидел что-то чернеющее вдалеке. Подумав, не враги ли это, говорит он своим сорока джигитам:

— Эй, джигиты, друзья мои!
Что-то вижу я вдалеке...
Эй, джигиты, друзья мои,
Ну-ка, кто из вас налегке,
Поезжайте туда одни,
Разузнайте, что впереди.
Неспокоен я в эти дни,
Смутно стало в моей груди!..

Может быть, это просто скот
Ищет, где посочней трава.
Может, вышел встречать народ,
Потому что летит вперед
О приезде моем молва...
Может, это деревья там...
Не могу я точно сказать.
Что со мною — не знаю сам.
Но прошу вас, друзья, узнать:
Если враг, обманувший нас,
Подступил к городским стенам,
Что с моей Канышай сейчас?
Где мой сын?..

Поручаю вам
Все разведать, орлы мои,
Что коснулось моей семьи,
О противнике разузнать
И скорее сюда скакать.

Как спадет полуденный жар —
По врагу нанесем удар!

Ну, а если ошибся я,—
Это лучше всего, друзья!
Пусть узнает семья моя,
Что по-прежнему я здоров,
И, коль надо, всегда готов
Уничтожить любых врагов!

Джигиты, посланные Курманбеком, осторожно приблизились к его городу и убедились, что все спокойно. Те черные пятна, которые заметил с большого расстояния Курманбек, оказались разбредшимся скотом и деревьями. Канышай и маленький Сейидбек были здоровы. Джигиты с добрыми вестями вернулись к своему хану Курманбеку, и вскоре весь отряд прибыл в город. Остудив коней, Курманбек и джигиты решили переночевать и на другой же день идти к калмыкам, потому что прошло уже свыше трех месяцев после срока, назначенного для взимания дани.

Тем временем калмыцкий хан Делен, решив, что Курманбек умер, собрал шестьдесят тысяч войска, двинулся на город Курманбека и как раз в эту ночь осадил его.

Курманбек видит в эту ночь дурной сон и, проснувшись, рассказывает о нем Канышай:

— Дорогая моя жена!..
Пробудись и открой глаза!
Ты со мною добра и нежна,
Ты душе моей так нужна,—
Приближается к нам гроза.
Чую, жизнь моя недолга...
Мне отец не отдал коня.
Если вновь пойду на врага,
Друга больше нет у меня!..
Мне приснился ужасный сон,
Сжал он сердце мне, как недуг,
Мне казалось, со всех сторон
Сталь подъемлют тысячи рук.
Осажден мой город врагом,
Что коварен, как сам шайтан,

Я сижу на коне другом,
Не на том, что судьбою дан.
В семь рядов окружил Делен
Мой любимый, богатый дом,
И тебя с малюткой-сынком
Он забрать угрожает в плен.
Порешил истребить мой род
Вероломный калмыцкий хан,
У моих золотых ворот
Он раскачивает таран.
Вот он с маху тараном бьет,
Вот упала уже стена!..
И в пролом этот враг ползет,
Будто вспененная волна.

Я рванулся тогда вперед,
А в груди моей — смерть одна,
Как во дни моих первых сечь,
Я врагов заклятых косил,
И летели головы с плеч,
И покуда хватало сил,
Я калмыков гнал далеко
И, наверное, бы разбил,
Победил, как всегда, легко,
Если б верный мой Тельтору
Подо мной в это время был.
Но я чувствовал, что умру,
Потому, что был одинок,—
Мой родитель врагу помог.
Темно-рыжий скакун устал,
Рваться в битву он перестал
И замедлил неровный шаг.
И, заметив это, тотчас
Ободрился бегущий враг;
Мой отец убегавших спас,
Тельтору мне не отдал он...
Осмелела битая рать,
Окруженный со всех сторон,
Я не мог уже нападать.

Леденело сердце мое
В этом вещем, ужасном сне.
Вот пронзило меня копье!

Кони, кони скачут по мне!..
И разрублена голова,
И залита кровью трава...
А кругом, сколько видит взор,
Лишь враги мои без числа...
Горе мне, печаль и позор!..
Я проснулся. Но ты спала.
Бестревожна твоя душа,
Так подумай и не спеша
Отвечай мне, что значит он,
Этот жуткий, недобрый сон.

Канышай, расчесывая спросонок волосы, прикинув плохое и хорошее, истолковала сон Курманбека в лучшую сторону. Она сказала, что сон означает победу и благополучное возвращение из похода.

Шестилетний сын их Сейидбек не спал и слышал тот разговор. Он встревожился и подумал: „Отец отправляется в опасный поход. У него дурные предчувствия,— вдруг придет его смертный час!.. Тогда мой злой дед не даст мне приюта. Отправлюсь-ка я с отцом, помогу ему, погляжу на его дела. А если ему суждено погибнуть — похороню его своими руками". Подумав так, сын Курманбека говорит:

— Слышал я, что сказал отец,—
Невеселые те слова!..
Пусть еще я совсем птенец,
Но ведь есть у меня права.
Правду мне скажи, дорогой:
Коль останусь я сиротой,
Кто заступится за меня?
Разве есть у меня родня?
Этот злой, жестокий старик,
Не отдавший тебе коня,—
Хоть я дедушкой звать привык
И привык почитать его,—
Как добра мне ждать от него!
Если в битве будешь убит,

Пусть и я умру, как шейит.
Кровь в груди у меня кипит,
Когда слышу, что Тейитбек
Пожалел тебе Тельтору.
Пусть он проклят будет навек!
Не пойду я к его двору.
Лучше нищим последним быть,
Чем такого, как он, любить!..

Будет он обижать меня
И лгунишкой пустым считать.
Будет он унижать меня
И мою дорогую мать.
Как могу доверять ему,
Если он тебе самому,
Сыну храброму своему,
В трудный час пожалел коня,
Если нашу семью губя
И готовя мне столько бед,
Ни за что, ни про что тебя
Разлюбил этот скверный дед!
Пусть меня к себе позовет,
Милым внучком пусть назовет,
Я отвечу старому — нет!

Никогда я не обниму
Погубителя твоего.
Плюну в бороду я ему,
Признавать не стану его!
Как остаться мне одному?
Не покину тебя в беде!
Лучше буду с тобой везде.
На степного скакуна
Я вскочу не хуже других.
Нянька больше мне не нужна,
Я люблю джигитов твоих!
Раз опять начнется война,
Я хочу быть одним из них.

Забери ты меня с собой.
Очень, очень прошу тебя!
Погляжу, как ты скачешь в бой,
Без разбору врагов рубя.

Пусть покуда не по плечу
Настоящая битва мне,
Поучиться делу хочу,
Как ведут себя на войне,
Как дерутся за честь свою,
Как врываются в города...

А погибнешь в этом бою,
Сам тебя схороню тогда!..
Ну, хороший, ну, дорогой,
Ну, возьми ты меня с собой!

Курманбек, услышав слова маленького Сейидбека, растрогался, опечалился и сказал ему: „Дорогой мой сынок, незакатная звезда моего счастья! Ты еще не окреп, не возмужал, время твое покуда не пришло. Что будет впереди — неизвестно. Не забудь — у тебя есть мать. Кто будет защищать ее, когда мы погибнем оба? Мать не даст и тебя в обиду злому деду. Если ты погибнешь вместе со мной — кто отомстит за меня? Кто подымет мой щит, ударит в барабан и пойдет рубиться моим мечом? Только ты, мой мальчик, мой Сейидбек".

С этими словами он приласкал сына и уложил его спать. А потом уснули и Курманбек с Канышай.

Утром Курманбек, выйдя наружу, заметил врага и увидел, что его злотовратый город окружен со всех сторон шестерным кольцом калмыков. Он разбудил Канышай, сказав ей об этом, кликнул сорок своих джигитов и держал к ним слово перед боем:

— Эй, джигиты мои! Настал
Грозный час, небывалый час:
Многочисленный враг напал
И сейчас окружает нас.
Дорогие мои друзья!
Возмужали вы с той поры,
Как выкуривал с вами я

Этот сброд из черной дыры.
И Кымбыл и Кара-Шаар
Помнят яростный наш удар.
Но забыл его Делен-хан,
Так напомним ему теперь;
Надо, чтобы от новых ран
Взвыл, как бешеный, этот зверь;
Чтобы вспомнил этот злодей
Старый клятвенный договор,
Под угрозой наших мечей
Соблюдавшийся до сих пор!..
Вы не юноши уж давно.
Вижу: каждый из вас батыр,
Вновь сражаться нам суждено —
Старый недруг нарушил мир.
Так погоним его скорей
От моих золотых дверей;
Уничтожим его, догнав,
Чтобы, клятву не оправдав,
Не вредил он отныне вновь.
Тигры белые вы мои,
Братья смелые вы мои,
Мы расплещем черную кровь!

Но скажу вам по правде я,
Дорогие мои друзья:
Ненадежен мой рыжий конь!
Нет со мной Тельтору сейчас,
Что меня десять тысяч раз
От погибели в битве спас,
Унося от любых погонь...

Но силен и здоров я сам,
И скажу я, джигиты, вам:
Только храбрость поможет нам
Победить и в этом бою.
Так обрадуйте вы мой слух
И скажите скорее мне:
Жив ли прежний могучий дух
И готовы ли вы вполне
Заступиться за честь мою?..
Вы молчите, друзья, в ответ...
Да, соратники юных лет,

Не отдал Тельтору отец,
Ненадежен мой жеребец!..
Но теперь уж лучшего нет.
Тельтору кружился, как вьюн,
А потом летел напролом;
Я, в сраженье сидя на нем,
Как орел, парил над врагом!..
Если сдаст мой рыжий скакун,
Замените быстро его
Запасным хорошим конем.
Поздно думать нам о другом,
Не поделаешь ничего!

Жалко, брата нет у меня...
Что ж, прощайте, братья мои!..
Удалились вы от меня,
Позабыв былые бои,
Подороже теперь ценя
Молодые жизни свои.
Если смерть не примет меня,
К вам вернусь я, братья мои!

Усомнились вы вдруг во мне
И утратили прежний пыл.
Разве дело в одном коне,
Разве сам я не тот, что был?
Вы терзаете душу мне,
Вы меня лишаете сил.
Разве вам и родной стране
Беззаветно я не служил?
Разве я собой дорожил?
Вместе с вами я, братья, жил,
А на смерть ухожу один.
Чем же хан ваш и господин
Участь горькую заслужил?

Если в битве погибну я,
Не оправится и моя
Обезглавленная семья...
Сын останется сиротой,
Познакомится с нищетой...
Захиреет мой дом пустой,
Затоскует жена моя...

Позаботьтесь о ней, друзья!

Горьким горем душа полна,
И смертельно скорбит она...
Скорбь-печаль моя горяча,
Вы, друзья мои, не со мной!
Упадает мой щит с плеча,
Не сверкает мой меч стальной,
И, едва засвистит камча,
Конь шарахается дурной...
Подготовьте мне скакуна,
Если этот вдруг подведет.
Может, гибель мне суждена...
Может, прочь отойдет она,
И победа меня найдет.
Подойдите, сын и жена,
Попрощаемся у ворот.
В смертный бой Курманбек идет!

Канышай, со слезами обнимая Курманбека, говорит:

— До свидания, сокол мой,
До свидания, гордый лев!
Будет враг сокрушен тобой,
Станет силой твой правый гнев.
Невредим ты придешь домой,
Рать несчастную одолев.

Я оплакиваю, любя,
Нашу радость и наш покой.
До свидания, милый мой!
Ты — как небо, что надо мной.
Поднимусь ли я до тебя,
Дотянусь ли я до тебя
Хоть одною своей рукой?

Средь киргизов и кыпчаков
Каждый подвиг твой будет жить,
И светиться сквозь тьму веков,
И народу всему служить.

До свидания, беркут мой!
Вижу, снова ты рвешься в бой,
На врагов нагоняя страх.
Я, пока не придешь домой,
Буду в небо глядеть с мольбой,
Чтоб тебя сохранил аллах!

Нет у Курманбека его текинского коня Тельтору... Сев на темно-рыжего скакуна, выхватив меч и опустив копье, рванулся Курманбек вперед, как разъяренный верблюд, и побежали перед ним калмыки. Гнал он их и валил без числа.

Отошла Деленова рать,
Подалась немедленно вспять,
Мирный город освободив,
Говоря:
— Курманбек-то жив!
И не думал он умирать,
А на нас налетел опять,
Будто сокол, крылья сложив
И в добычу когти вонзив.

Ударяет вновь по врагу
Молодой батыр Курманбек,
А за ним на каждом шагу —
Груды трупов, толпы калек...
Рыжий конь, как буря, летит.
Окровавленный меч свистит,
И захватчики мчатся прочь.
Им никто не может помочь!

Ожил юноша-богатырь.
Ты пойди такого осиль!
Развернулся он во всю ширь,—
И клубится желтая пыль;
Вся земля изрыта кругом,
И лежат, одно на другом,
Исковерканные тела...
Нет врагам сраженным числа!

Нет пощады еще живым,
Истребитель неутомим,
Победитель неодолим!

И, как бык посреди овец,
Мчится огненный жеребец,
Петушиной шеей горя,
Словно гаснущая заря;
Но порой припадая вдруг,
А порою петляя зря
Или делая лишний круг...

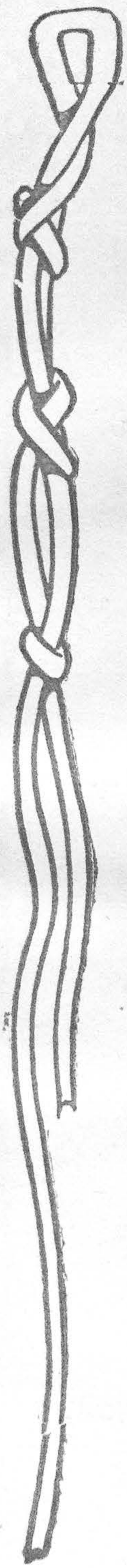
Но еще не угас огонь,
И торопится Курманбек
Всех врагов своих превозмочь,
Зная, что утомится конь
И окончится грозный бег
И опустится с неба ночь...

Замер в страхе калмыцкий хан,
Понимая, что оплошал,
Враг пронесся как ураган,
Истребляя войско его;
Не найти теперь никого,
Кто бы этому помешал!..

Неотступно Делен глядел
На сраженье в свою трубу,
То горел он, то холодел,
Пот стекал у него по лбу...
Вдруг воспрянул душой калмык
И плотнее к стеклу приник.
Он заметил, что страшный враг
Перевел скакуна на шаг
И дает оттдохнуть ему,
Остудив его на ветру...
Хан Делен разгадал игру,
И понятно стало ему —
Дело сводится к одному:
Конь батыра — не Тельтору!

Заподозрив это, Хан Делен, обращаясь к своему войску, говорит:

— Вижу я: приуныли вы,
Дорогие мои друзья...
Но не вешайте головы:
Враг слабее, чем думал я!

Выдыхается конь его,
И от наших он отстает,
И при этом важней всего,
Что скакун у него не тот,
Не прославленный Тельтору,
Причинивший нам столько бед.
Я победой одной сотру
Курманбековых сто побед!

Курманбек — на плохом коне,
И теперь его мощь — по мне!
Много лет обиду мою
Выносил я в отчем краю,
Но теперь ее не таю.
Враг остался без Тельтору,
Скоро в плен его заберу
Или просто его убью.
Бог услышал мою мольбу!
Погляжу-ка опять в трубу
И пойду попытать судьбу!..

Курманбек, остудив своего темно-рыжего иноходца, вновь рванулся вперед, желая усилить смятение врага, но конь совсем сдал. Несмотря на удары камчой, он остановился, силы его иссякли... Он захрипел, обливаясь пеной.

Оглянулся Курманбек, ища своих джигитов и запасного коня на смену. Но никого позади его не было... Горько стало ему, и проклял он своих джигитов-изменников, покинувших его в самый трудный час.

— Где же сорок моих бойцов?
С ними я мою жизнь связал...
Чтоб лишились они отцов!
Чтоб их всех аллах наказал!
Не ведут они мне коня.
Обуял их, бесстыжих, страх.
Темно-рыжий подвел меня,—
Он готов рассыпаться в прах!..
Подыхает он на ходу,
Вместе с ним вот-вот упаду.

Если б дали мне скакуна
Вместо этого дохляка,
Я б вонзил ему стремена
В неизраненные бока,
Я помчался бы снова вдаль,—
Ведь победа еще легка.
Не устала моя рука,
В ней тяжка боевая сталь;
Я разбил бы наверняка,
Я рубил бы врагов, пока
Не утихнет моя печаль!..
Где джигиты мои теперь,
Что могли бы меня спасти?
Как скажу себе: в дружбу верь,
В одиночестве не грусти?..
Сколько будет еще потерь
На коротком моем пути!..

Где джигиты мои? Мертвы?
Но я помню немой ответ,—
Я покинут ими, увы!..
Утешенья мне в мире нет.
Приближается мой конец.
Гаснет солнце, и меркнет свет...
Мой отец, мой родной отец
Погубил меня в цвете лет!
Я воспитывал, как родных,
Сорок верных друзей моих.
Где же, где же они сейчас,
В этот грозный, тяжелый час?
В белом пепле уж нет огня,
Мой очаг навсегда погас,
Ночь пришла среди бела дня,
Мраком душу мою черня...
Где вы, братья? Зову я вас!
Хоть не дали вы мне коня,
Так, шакалов камчой гоня,
Схоронили бы вы меня
И почтили в последний раз!..

Нет вас рядом в глуши степной,
Причинившие злую боль.
Может, вас погубила соль,

Что вы ели вместе со мной?
Может, вы погибли в бою,
Защищая ставку мою?
Но тогда простите меня,
Что безумствует, вас кляня!
Ослепляет меня песок,
Приближается старый враг,
Пламень солнца на темя лег.
Смерть моя ускоряет шаг!..

Конь Курманбека стоит на месте и шатается. Уперся батыр копьем в песок. Хан калмыков Делен, боясь хитрости, решил еще раз убедиться в том, что под Курманбеком не Тельтору, а другой конь. Вооружившись, подъехал Делен к батыру Курманбеку и говорит:

— Здравствуй, друг мой хан Курманбек!
Не являлся ты к нам давно.
Может, свой позабыл набег
И тебе уже все равно,
Получаешь ли с нас налог?
Разве ты насытиться мог
Только тем, что тебе дано?
Но скажу — пусть услышит бог —
Не довольно ли с нас тревог?
Нам друзьями быть суждено!
Приходи же в Кымбыл, мой друг,
Не препятствуй доброй судьбе,
Мы верблюдов дадим и слуг,
Мы богатство дадим тебе!..

Тем временем Делен увидел и окончательно убедился, что под Курманбеком не Тельтору, а другой конь, совсем ослабевший. Тогда тон калмыка сразу изменился:

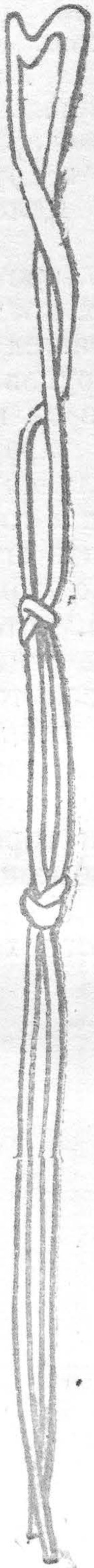
— Позабыл я тебя спросить:
Где же твой скакун Тельтору?
Отдыхает он, может быть,
И его приведут к утру?
Не хочу тебя огорчить,
Но ведь это, брат, не к добру!

Что-то рыжий твой больно плох,
Не удался ему разбег;
Я гляжу, как бы он не сдох,
Ты пропал тогда, Курманбек,
И ничто тебя не могло б
От моих джигитов спасти.
Смерть нацелилась прямо в лоб —
От нее тебе не уйти!

Видно, твой отец бережлив,
Жизнь свою без труда продлив;
Дни твои сократил отец.
Тейитхан, скажу, молодец,
Он помог нам, как добрый друг:
Курманбек уже не боец —
Он сидит на одре таком,
Что уж лучше идти пешком!

Отчего это лоб твой взмок?
Уж не смерть ли увидел ты?
Кто б найти ей тебя помог,
Чтоб ее не обидел ты?
Больно ты с ней, голубкой, строг,
И суровы твои черты!
Чтоб она не убралась прочь,
Надо ей, пожалуй, помочь,
А не то продлится твой век.
Что ж, попробуем, Курманбек!
Обижаешь ты мой народ,
Хоть и кажешься ни при чем,
Появляешься каждый год
И размахиваешь мечом,
И облизываешь ты кровь
С голубого клинка его,
Приговаривая: „Готовь,
Хан Делен, побольше всего;
Денег, золота и добра
Мне с тебя получить пора!..“

Ты получишь теперь сполна
И не явишься к нам вовек.
Смерть близка, не уйдет она;
Хорошо ей теперь видна
Голова твоя, Курманбек!

Хорошо на теле твоем
Будет коршунам пировать.
Или взять мне тебя живьем
И денек с тобой поиграть?
Или, сбросив обузу с плеч,
Пополам поскорей рассечь?

Нет! Возьму тебя в твой аил,
В злотовратый Джангы-Шаар,
Чтобы там, если хватит сил,
Нанести роковой удар;
Но пред этим у наших ног
Будешь корчиться, как щенок.
Отомщу я тебе, поверь,
И с калмыков позор сотру.
Ты во власти моей теперь,
Если конь твой не Тельтору.
Ну-ка душу свою доверь
Издыхающему одру,
Что стоит, подперт, как забор,
И глядит на меня в упор.
Может, бойко поскачет он
И меня озадачит он?

Но железный конь Тельтору,
Неустанный конь Тельтору,
Всем известный конь Тельтору
Далеко отсюда, батыр.
Проиграл ты свою игру
И покинешь ты здешний мир!

Не придешь ты в мою страну —
Ты навек останешься здесь.
Проиграл ты эту войну,
Потерял ты былую спесь
И судьбы своей не избег.

А теперь—умри, Курманбек!

Курманбек, услышав слова Делена, подумал: „Или мою кровь потянуло к земле или твою. Если я умру, то и тебя потяну за собой!“

Он хотел броситься на Делена, но тут у рыжего коня подкосились ноги, конь зашатался и вместе с Курманбеком упал. Хан Делен, подскочив, ударил поднимавшегося батыра копьем, оно пронзило его насквозь и сломалось, а конец копья застрял в груди. Курманбек сразу свалился, и Делен ускакал.

Курманбек боролся со смертью, кровь его струйками лилась на песок. Но, когда все небо заполнили звезды, он пришел в себя. Горько проклиная своих недругов и коварного врага своего, долго полз он по барханам и рытвинам, среди змей, тарантулов и скорпионов. Дополз и свалился у дороги, глядя смерти прямо в глаза и тоскуя, что некому достойно похоронить его.

В это время шли мимо несколько караванов, по сорок верблюдов каждый, которые сопровождал могучий батыр, скачущий на черном иноходце, покрытом золотой попоной. Это был хан Акхан. Он решил после шести лет разлуки навестить верного друга своего Курманбека и вез ему дары. Услыхав о нападении калмыков, он торопился днем и ночью к нему на помощь. Сперва они не узнали друг друга. Потом Курманбек узнал первым кашгарского хана и говорит:

— Это ты, сердечный мой друг!
Это ты, мой названый брат!
Злая ночь сгустилась вокруг,
Очи смерти зорко глядят.
Я давно не встречал тебя.
Много лет прошло с той поры,
Как увез я твои дары.
Друг мой, я не забыл тебя
И победы нашей пиры.
Я любил и люблю тебя,
Добрый друг, дорогой Акхан,
И теперь я скорблю, любя,
Умирая от этих ран,

Что ничтожен так человек
И разлука наша — навек...

Ты ведь помнишь, как покорил
Я калмыцкий черный Кымбыл
И проклятый Кара-Шаар,
Как Делена я пощадил,
От него теперь получил
Я смертельный этот удар!..

Ты, наверное, не забыл,
Как мы в дружбе клялись, батыр,
Говоря, что будет она
Только смертью прекращена.
Неотвратный миг наступил:
Покидаю неверный мир!..

Видишь, вовремя ты пришел,
Чтоб еще повидать меня;
Уходящего ты нашел
На исходе земного дня;
Гаснет свет моего ума,
Впереди лишь туман и тьма...
Дай мне руку, друг дорогой!
Обними ты меня другой!..
Одиночества больше нет,
Не обижен своей судьбой —
Попрощаться могу с тобой,
Канышай передать привет...
Горло давит аркан тугой,
Гаснет, гаснет вечерний свет!..
Помнишь, как мы ходили в бой,
Как сбирались держать совет?..
Как прекрасен был день любой
В бурном токе минувших лет.
Гаснет, гаснет вечерний свет!..

Помнишь, тяжко ты захворал,
А китайский хан Чымачым
В это время войско собрал
И грозил городам твоим?
Кто к тебе тогда прискакал
И расправился живо с ним?

Кто разбил твоего врага
И покончил с ним навсегда?
Кто тебе помогал, пока
Не минует злая беда?

Дай мне руку твою, Акхан.
Ты увидишь мою жену...
Торопился ты в мирный стан,
А попал опять на войну.
А увидишь ты Канышай,
Не оставь вдовицу теперь,
Помогай ты ей, утешай
В самой трудной из всех потерь!..

Дорогой мой друг, обещай
Моему помочь малышу.
Забери его, защищай—
Ни о чем другом не прошу.
А теперь, дорогой, прощай!..
Я с великим трудом дышу,
Я в неведомый путь спешу
И услышу ли твой ответ?..
Гаснет, гаснет вечерний свет!..

Счастлив я, и спокоен я,
Хоть кончается жизнь моя
И чернеет алый закат...
Но по-прежнему мы — друзья,
И со мною — мой верный брат!..
Он поддержит голову мне,
Что сейчас в кр вавом огне.
Он проводит меня в страну,
Где от горестей отдохну.
Есть кому меня снарядить
В этот самый далекий путь;
Есть кому меня схоронить
И потом обо мне вздохнуть!
Счастлив я, и спокоен я,
И довольна душа моя!

Хан Акхан узнал наконец любимого друга своего Курманбека. Он соскочил с коня, зашатался и упал на песок. Из глаз его потекли горькие слезы. Акхан в отчаянии обнимал умирающего и ласкал его, поддерживая ему голову, вытирал с чела его кровавый пот, горестно причитая, вспоминая п двиги юноши-батыра...

Тем временем подошли все караваны; удивленные и огорченные, собрались вокруг умирающего Курманбека караванщики, джигиты и слуги.

Хан Акхан приказал разгрузить несколько верблюдов и найти в тюках, что было нужно. Он умыл Курманбека, переодел в чистые одежды и, доставив ему облегчение, говорит:

— Пронизало тебя копье
И задело сердце твое,
И теперь ты лежишь в тоске
На зыбучем степном песке...
Дай-ка, друг ненаглядный мой,
Отвезу я тебя домой
К сыну и твоей Канышай!
Я уверен: ты не умрешь.
Может, силы ты соберешь
И в седле посидишь? — Решай!
Я бы всем пожертвовал, друг,
Я с охотой умер бы сам,
Чтобы ты поправился вдруг
И вознес хвалу небесам.

Попытайся, мой кыраан,
И надень вот эту парчу.
Красным блеском ее хочу
Кровь стереть с этих жарких ран.
Красотой тебя излечу,
Мой батыр, мой великий хан!..

Вспомни прошлое, мой берен,
Распрями, как бывало, стан,
Пусть провалится хан Делен,
Пусть его унесет шайтан!
Может быть, улыбнешься ты
И разгладишь черты свои?..
Может быть, засмеешься ты,
Хоть при виде своей семьи?
Не наденешь ли яркий шелк,
Не нарядишься ли, мой друг?
От веселья немалый толк,
Облегчает оно недуг.
Ты на черного скакуна
Поскорее, могучий, сядь.
Как обрадуется жена!
Как сынишка будет плясать!
Я верну им тебя, мой брат,
Чтобы ты не валялся тут,
Как потерянный аманат,
Что затопчут и не найдут...

Излечу я тебя, берен,
Возвращу я силы тебе,
И добьешься ты перемен
В изменившейся вдруг судьбе.
Будешь крепок ты и здоров,
Мы с тобой накажем врагов,
Города построим в степи
И поедем с тобой туда,
Где мы не были никогда!..
Ну, пожалуйста, претерпи,
Дорогой мой раненый друг,
Небольшую, легкую боль,
На моих джигитов и слуг
Опереться ты соизволь!
Чтобы твой отступил недуг,
Приподнять нам тебя позволь!

Но Курманбек жестом показал, что у него нет сил. Взяв обе руки хана Акхана в свои, он говорит:

— Знай: отец мой предал меня
И, джигитов моих гоня,
Не хотел он мне дать коня...
Сердце черное у него —
Пожалел коня своего,
Только сына не пожалел,
Что перечить ему посмел.
Вот, батыр мой,— вот отчего
В этой Черной долине, здесь,
Я лежу израненный весь!..

Не могу на седло я сесть,
Не могу я ни пить, ни есть.
Не поможет мне черный конь
Или огненная парча.
Грудь мою сжигает огонь,
Голова моя горяча...

Нету времени у меня,
Чтоб с тобой на закате дня
Мне подольше пробыть, мой друг.
В одинокий свой путь спеша,
Изнывает моя душа,
И стемнело уже вокруг.
Вы окутаны этой тьмой,
Отправляетесь вы домой,
Бубенцами в ночи звеня,
Без меня, мой брат, без меня...
Не поеду я никуда,
Здесь останусь я навсегда,
Схорони меня, дорогой.
А по этой дороге вдаль,
Забывая свою печаль,
Пусть поскачет батыр другой!..

Будет скоро твой караван
Там, где в желтой степи Турфан.
Там стоит мой белый дворец,
Где тоскует бедный птенец.
Белый ястреб, его отец,
Что без клюва лежит в пыли,
Безотрадный нашел конец
От родного гнезда вдали.

Ты прощальный клекот его
Передай, батыр, малышу,
Чтобы знал он лучше всего
Слово „честь“, которым дышу,
Чтобы он вспоминал отца
И слезинки стирал с лица.

Не оставь малыша в тоске
И погладь его по щеке,
Чтоб утешился мальчуган —
Приласкай его, мой Акхан!

Ты прибудешь погожим днем
В белый город мой на холмах.
Канышай ты разыщешь в нем
И застанешь ее в слезах.
Ты скажи подруге моей:
Курманбек тосковал по ней;
И, в груди почуяв копье,
Курманбек не забыл ее,
Канышай, отраду свою!..
Пусть возьмет она власть мою,
Пусть богатства мои возьмет,
Управляя в родном краю,
Направляя к счастью народ.
Будет жизнь ее нелегка
И тревожна будет, пока
Не увидит взрослым сынка.

Передай ты моей жене:
Пусть живет она много лет,
Вспоминаючи обо мне.
Передай народу привет
И любимой моей стране.
Передай: Курманбека нет —
Курманбек погиб на войне!

С глазами, полными слез, стоит бек Акхан подле Курманбека, не зная, как помочь своему другу...

Долго мучился Курманбек. Наконец он попросил своего друга извлечь из груди его обломок вражеского копья, говоря, что

ему от этого станет лучше. Колебался хан Акхан, однако, видя нестерпимые страдания Курманбека, решился — и выдернул обломок. Вначале легко стало Курманбеку, затем вздохнул он — и умер.

Хан Акхан и его джигиты, оплакивая Курманбека, вызвали из Кашгара мастеров и соорудили красивую гробницу, с надписью, рассказывающую о подвигах героя. С великими почестями совершив погребение, хан Акхан отправился в город Курманбека, дабы выполнить последнюю волю друга.

Канышай, узнав хана кашгарского, вместе с сорока подругами тотчас вышла ему навстречу. Приветствуя Акхана, она говорит:

— Ты здоров ли, наш добрый друг,
Уважаемый бек Акхан?
Я и сорок моих подруг
Приглашаем тебя в Турфан.
Курманбек, твой названый брат,
К сожаленью, покинул нас.
Он еще не прибыл назад,
Я не знаю, где он сейчас...
Ты здоров ли, наш добрый друг?
Вижу, твой караван велик,
Много в нем джигитов и слуг.
Но скажи мне: какой недуг
Отуманил твой светлый лик?
Отчего не глядишь вокруг,
Отчего головой поник?
Не случилось ли что-нибудь
С Курманбеком, братом твоим?
Изболелась в тревоге грудь,
Я не знаю, что ныне с ним!..

О Акхан, душа-человек,
Ты, счастливейший в мире бек
И прекраснейший из людей,
Нетерпенье мое развей
И скажи мне: где Курманбек?!

Невредим ли он, тополь мой,
Золотой одетый листвой?
Прилетит ли он, ястреб мой,
На рассвете к себе домой?

Где он, светлый мой минарет,
Мой могучий славный ойон?
Почему его с вами нет?
Слишком долго не едет он!
Поскорее поведай мне,
Что желанье мое сбылось
И прибудет он ввечеру,
А не то я с горя умру!..
Курманбек на плохом коне,
Задержаться ему пришлось,
Темно-рыжий — не Тельтору!
Поскорей меня успокой,
Разлучи меня, бек, с тоской,
Расскажи мне, друг дорогой,
Где теперь повелитель мой!

Только правду одну открой,
Ничего теперь не таи.
Неужели погиб герой,
Мой любимый, глава семьи?
Только правду поведай мне.
Все случается на войне,
И такого хана жена
Быть его достойной должна.
Я тоскую, горю в огне,—
Только правду поведай мне,
Только правда сейчас нужна!

Бек Акхан, довольный разумностью Канышай, рассказывает ей о Курманбеке:

— С божьей волей смирился я,
Говорю и тебе: смирись!
Дорогая сестра моя,
Духом ты теперь соберись!
Нынче сетую на одно:
Видеть не было мне дано,
Как, справляя кровавый пир,
Супостата карал батыр,

Как валил он врагов своих,
Величав, разъярен и лих!..

Но теперь Курманбек утих,
Он покинул неверный мир.

Ты бледнеешь, моя сестра,—
Боль твоя чересчур остра!.

Эй, подруги, сюда скорей,
Соберитесь тесней в кольцо,
Помешайте царапать ей
Молодое ее лицо!
Не давайте в костер упасть,
Не давайте в огне сгореть,
Помешайте кинжал украсть
И с отчаянья умереть!..
С молодой госпожи своей
Не спускайте, подруги, глаз —
Вижу смерть у ее дверей
В этот горький, печальный час!
Верь, сестра моя Канышай:
В Мекку отбыл твой Курманбек.
Я молю тебя: не рыдай.
Славным был его краткий век!
Много подвигов он свершил,
Прежде чем покинуть решил
Свой любимый, родимый край
И жену свою Канышай.
Нас покинул великий муж,
В лучший мир отойти спеша.
Пусть в раю среди светлых душ
Отдыхает его душа.
Но прошу тебя, Канышай:
Горе с радостью ты смешай,
Приведи ко мне малыша!
Приведи сынка твоего;
Должен я увидеть его;
Это мне завещал мой друг,
Уважаемый твой супруг.

Но здоров ли твой мальчуган,
Что так рано осиротел?

Я надеюсь — маленький хан
От волненья не заболел?
Ведь покуда не знает он,
Что покинул нас твой ойон.
Что поделаешь, Канышай!..
Плачу я о брате моем.
Защищая родимый край,
Был он вражьим пронзен копьем,
И скончался от раны той
Курманбек, мой друг дорогой.

Вижу: пыль клубится вдали.
То, наверное, ваш Турфан.
Властелином этой земли
Был покойный великий хан.
Вижу я белизну дворца,
Где малыш Сейидбек живет
И, конечно, сейчас отца
С нетерпеньем ребячьим ждет.
Пусть любовь к нему, как вода,
Заливая угли костра,
Гасит нашу живую боль.
Поспешим же скорей туда,
Умоляю тебя, сестра,
Мне сынка повидать позволь!

Курманбек в предсмертной тоске
Мне велел навестить его,
Потрепать его по щеке,
Чем-нибудь угостить его.
Мне велел он обнять его,
Потеплей приласкать его.
И велел он моей руке
От врагов защищать его!..
А когда подрастет сынок,
То не будет он одинок—
Я к Делену поеду с ним,
И убийце мы отомстим!

Тут сердце Канышай чуть не разорвалось, из глаз ее полились обильные слезы... Она говорит:

— Если правда, что умер он,

Мой любимый, мой господин,
Что сбылся его страшный сон
И не дожил он до седин,
Что покинул свою страну
Самый лучший на свете хан,
Что покинул свою жену
Ненаглядный мой кайран*,
Что осталась она вдовой
До скончания горьких лет,
Как могу я ходить живой,
Как могу я глядеть на свет?!

Снова замуж мне выходить? —
Разве я смогу полюбить
Хоть кого-нибудь на земле?
Разве пламя найдешь в золе?
Разве сердцем я согрешу?..
Лучше волосы расчешу**
И останусь в глубокой мгле.
Черным воздухом я дышу
В мире крови, утрат и бед.
Лучше я теперь поспешу
За моим ненаглядным вслед!
Если смерть не возьмет меня,
То вспорю я себе живот,
Или я умру от огня,
Или выстрелю прямо в рот!..

Курманбек погиб как шейит.
Слышу, слышу его ответ!
Он зовет меня, он велит
Мне за ним отправляться вслед:
Ведь я друг ему и жена
И повсюду ему нужна,
Быть повсюду я с ним должна!
Гаснет, гаснет вечерний свет!..

Канышай застонала вдруг
И упала среди подруг,
И забилась, как воробей
Между серых, больших камней...

---

* Кайран—милый, дорогой (кирг.). Употребляется с оттенком соболезнования.

** Волосы расчешу—останусь незамужней.

Так был жалок несчастной вид,
Разметавшейся на песке,
Так рыдала она навзрыд
В неизбывной, слепой тоске,
Что не выдержал бек Акхан
И расплакался, как дитя...
И не двигался караван,
В бесконечной степи грустя...
Поднялась Канышай потом,
С перекошенным, сжатым ртом,
И рванулась она из рук
Сорока молодых подруг,
И помчалась она домой,
И никто ее не догнал.

В юрте, полной глубокой тьмой,
Ждал ее булатный кинжал...
Вмиг, не помня уж ничего,
Канышай схватила его
И вонзила в сердце свое,
За возлюбленным вслед спеша.

Сейидбек, сын Курманбека и Канышай, говорит:

— Знаю, мой названый отец,
Ты приехал издалека...
Видишь, мой названый отец,
Что судьба моя нелегка!..
Дом покинула мать моя,
Дом покинул родитель мой...
Одиноким остался я,
Неприкаянным сиротой.
Старый дед мой — злобный скупец,
Пожалел для сына коня...
Видишь, мой названый отец,
Ночь сгустилась вокруг меня?..

Пронеслась надо мной гроза,
И жалеет меня народ.
Но, сквозь слезы, мои глаза
Напряженно глядят вперед.
И пустыня кругом лежит,

И пылится далекий путь...
Белый ястреб над ним кружит,
Говорит он мне: „Не забудь!
Твой отец погиб как шейит,
Стань таким же! Героем будь!“
И тогда уж не так болит
И не рвется на части грудь“.

Скоро тронется караван
По дороге в твой край родной...
Забери меня, бек Акхан,
Захвати ты меня с собой.
Мало мне, злосчастному, лет —
Семь всего... и четыре дня...
На себя надень амулет,
Воспитай как сына меня.

Не давай меня обижать
Ни жене, ни слугам своим.
Ты отца умел уважать,
Много лет вы дружили с ним.
Не давай ты деду меня,
Не войду Тейитбеку в дверь.
Не отдал он отцу коня —
Ненавижу его теперь!
Я когда-нибудь подрасту,
На калмыков пойду я в бой!..

Пожалей, батыр, сироту,
Забери ты меня с собой!

Акхан, омыв и завернув Канышай в саван, похоронил ее. Потом он поехал к старику Тейиту, который в это время болтал с кем-то. Акхан рассказывает о судьбе Курманбека его отцу:

— Здравствуй, мой названый отец,
Радость племени своего!
Счастлив ты, дорогой отец
Друга верного моего?
Что ж! Дождался ты наконец:
Погубили враги его!

Ты как солнышко, как луна,
Что заходит за косогор,
А в душе твоей — тишина,
И спокоен твой добрый взор.
Предал сына ты, старый бек,
Отобрал у него коня —
И угас мой батыр навек,
Злую долю свою кляня...

Что ты хмуришься, старый хан?
Или чем недоволен ты?..
Помешал тебе гость Акхан
И нарушил твои мечты?
Невзначай, да напомнил вдруг
Что на совести залегло?
Гложет сердце нам, как недуг,
Сотворенное в жизни зло!..

Твой безвинный, прекрасный сын
Был в деяньях своих велик.
У тебя ведь он был один —
И сгубил ты его, старик!..
Вижу я — в серебре седин,
Словно месяц, ясен твой лик...
Слышишь ты меня, господин? —
Курманбека убил калмык!

Преступил он клятву свою,
И собрал он жатву свою.
Не нанес бы он свой удар,
Будь под сыном твоим тулпар,
Тельтору, боевой скакун,
Украшающий твой табун!..

Отец Курманбека Тейитхан, обрадовавшись, думает: „Конь Тельтору теперь будет на покое. Аллах поступил правильно. Враг исполнил мое желание: Курманбек погиб!..“

Поняв мысли Тейитбека и его состояние довольства, разгневанный хан кашгарский говорит:

— Здравствуй, мой названый отец!
Как луна, твой сияет лик.
Но ведь близок и твой конец,
Погубивший сына старик.
Поступил ты с ним как подлец —
Я достаточно в дело вник;
Ты восторги свои умерь,—
Я тебя накажу теперь!
Я отправлю тебя за ним
Прямо в потусторонний мир.
Ты обнимешься с дорогим,
Добрым сыном своим, батыр!

Неожиданно он ушел
И печалью наполнил нас.
Неспроста я тебя нашел,
Старец, блещущий, как алмаз!
Ты ведь этого не учел,
Слыша горестный мой рассказ!

Был отобран тобой скакун,
И погиб оттого мой брат.
Что ты скажешь теперь, болтун?
Ведь его не вернуть назад!
Погубил ты, предатель злой,
Нашу гордость и нашу честь.
Умер друг наш, погиб герой...

Да свершится же над тобой
Справедливая наша месть!

Ты здоров ли, мой золотой,
Светлоликий, почти святой,
Пожалевший сыну коня?
Умер брат и товарищ мой.
Жаль, что не был он сиротой,—
Не покинул бы он меня!..

Как же могут тебя любить
И за подвиги уважать,
Если сына ты мог сгубить,
Если мог ты его предать
И пресечь свой старинный род?

Станут все тебя презирать,
Ненавидеть и проклинать
Станет собственный твой народ!

Старик Тейитбек рассердился и крикнул ему: „Ты прибыл сюда не для того, чтобы рассказать о сыне, а затем, чтобы убить меня! Так я раньше отправлю тебя вдогонку за твоим „братом“!“ Он бросился на Акхана с мечом, но оступился и разрубил только голову Акханова коня. Разгневался хан Акхан и, не желая пачкать руки, позвал спутников:

— Эй, джигиты!
Сюда друзья!
Хоть не дрогнула бы рука,
Удержала лишь честь моя,
Чтобы сам не прикончил я
Ненавистного старика.
Окружайте со всех сторон
И вяжите его скорей!
Должен быть этот мир спасен
От опасных таких зверей!

У Тейита много родни,
Но киргизы не чтят его,
Ведь всегда любили они
Бека юного своего.
Сына предал старый шакал —
И злодею пощады нет,
Пусть погибнет на склоне лет,
Чтобы больше не осквернял
Он собою наш белый свет.
Люди рады его беде.
Так терзайте гада, пока
Не оставите в бороде
Ни единого волоска!

Привяжите к хвосту коня
Вы его среди бела дня,
И, того скакуна гоня,
Не жалейте, друзья, огня!

И помчался во весь опор
По камням и по склонам гор
Тельтору, исполинский конь,
Курманбека носивший в бой,
Не забывший лихих погонь.

Он влачил в пыли за собой
Окровавленный труп того,
Кто в неволе томил его.
И, почуяв жирный обед,
Воронье летело вослед...

А кругом ликовал народ,
Говоря в предвечерней мгле,
Что такая кончина ждет
Всех предателей на земле.

„Когда сын Курманбека вырастет, я вместе с ним отомщу Делену за моего друга!“ — поклялся Акхан и, взяв Сейидбека с собой, отбыл в Кашгар.

КУРМАНБЕК

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

* * *

Редактор *С. М. Жажиев*
Художественное оформление *В. П. Жукова*
Художественный редактор *А. С. Осташев*
Тех. редактор *А. Акматов*
Корректоры *Т. П. Вязьмина и Э. В. Кеслер*

Сдано в набор 25/IX 1960 г. Подписано к печати 7/II-1961 г. Формат бумаги 84x108$^{1}/_{32}$. 7,79 л. 8,48 уч.-изд. л. Заказ № 1881. Тираж 13000 экз. Цена без переплета 42 к. Переплет 15 к.

Фрунзе, тип. № 1 Полиграфиздата Мин. культ. Кирг. ССР.